

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ЕЛЕНА ДУШЕЧКИНА

РУССКАЯ ЁЛКА

ИСТОРИЯ, МИФОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРА

Елена Душечкина

**Русская елка. История,
мифология, литература**

«НЛО»

2023

УДК 398.332.4(47+57)
ББК 63.521(=411.2)-731

Душечкина Е. В.

Русская елка. История, мифология, литература /
Е. В. Душечкина — «НЛО», 2023

ISBN 978-5-4448-2125-1

В России традиция устанавливать елку на Новый год и Рождество долгое время воспринималась как нечто самой собой разумеющееся и потому ускользала от научного взгляда. Книга филолога Елены Душечкиной — первое и наиболее значительное отечественное исследование, посвященное истории и мифологии рождественского/новогоднего дерева. Автор рассказывает, как этот обычай входил в русский культурный обиход, завоевывал популярность, и какие преграды он встречал на своем пути. Обращаясь одновременно к художественной литературе и широкому кругу документальных источников — мемуарам, дневникам, газетам и журналам, — Елена Душечкина бережно реконструирует путь, который прошла елка, прежде чем стать важной частью нашей праздничной традиции. Елена Душечкина (1941–2020) — доктор филологических наук, профессор СПбГУ, выдающийся специалист по русской литературе и культуре.

УДК 398.332.4(47+57)
ББК 63.521(=411.2)-731

ISBN 978-5-4448-2125-1

© Душечкина Е. В., 2023
© НЛО, 2023

Содержание

От автора	6
Дерево в мировой мифологии	9
Культ деревьев на Руси	14
Ель в мировой мифологии	17
«Родины нашей питомица скромная»	30
Петровский указ 1699 года и его последствия	36
«Мы переняли у добрых немцев детский праздник»	40
Русская елка во второй половине XIX века	50
«Милая немецкая затея»: освоение елки в России	50
«Там детство рождественской елью топорщится»: праздник рождественской елки	53
«В нашей школе тоже елка зажжена»: публичные елки	67
Мифология русской елки	70
«Неувядающая, вечнозеленая, благостыня Божия»: елка как христианский символ	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Елена Душечкина
Русская елка. История,
мифология, литература

© Е. В. Душечкина, наследники, 2002, 2012, 2014, 2023

© И. Дик, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

От автора

Когда я работала над этой книгой, меня не раз с удивлением спрашивали, как мне пришла в голову мысль сделать предметом своего исследования елку. Действительно, наряженное еловое деревце, стоящее в доме на Новый год, кажется нам столь естественным, само собой разумеющимся, что, как правило, не вызывает никаких вопросов. Подходит Новый год, и мы по усвоенной с детства привычке устанавливаем его, украшаем и радуемся ему. А между тем обычай этот сформировался у нас относительно недавно, и его происхождение, его история и его смысл, несомненно, заслуживают внимания.

Мой научный интерес к елке возник в середине 1980-х годов, когда я занялась изучением истории и художественных особенностей русского святочного рассказа. Собирая материал по этой теме, я обратила внимание на то, что до начала 40-х годов XIX века святочные рассказы использовали мотивы, связанные с русскими народными святками (гаданье, ряжение, всевозможная «святочная чертовщина» и пр.), в то время как рождественские мотивы оставались в них совершенно незатронутыми. Однако начиная с этого времени и далее – в течение всего XIX и начала XX столетия – рождественская тематика в произведениях, приуроченных к зимнему праздничному циклу, стала разрабатываться столь же часто и столь же охотно, как и святочная. При этом во многих рождественских рассказах важную сюжетную роль начинает играть образ елки.

Для того чтобы понять смысл этого образа и его роль в рождественских текстах, мне необходимо было уяснить историю елки в России. И тут обнаружилось, что, несмотря на большое количество исследований, посвященных зимним праздникам русского народного календаря, святочным, рождественским и новогодним обычаям, работы о елке в России практически отсутствуют. Ее происхождение, ее история, смысл и символика до сих пор во многом остаются неизученными. По-видимому, это объясняется тем, что западный обычай использовать на Рождество хвойные деревья, как правило, не привлекал к себе внимания этнографов и фольклористов. Они либо вообще о нем не упоминали, либо же говорили вскользь как об обычае, явно не заслуживающем внимания из-за своей молодости и некоренного происхождения.

Едва ли не единственной попыткой разобраться в вопросе о елке явилась адресованная воспитателям и родителям популярная книжка, вышедшая в Петербурге сто с лишним лет тому назад. Ее автор, священник, педагог и литератор Б. Быстров (известный под псевдонимом Е. Швидченко), писал:

В наше время обычай зажигать на святках елку для детей все более и более распространяется по России. Редкая школа даже по деревням и редкий частный дом в городах не устраивает в это время для детей елки. Все уже так привыкают к этому обычаю, что без елки святки – не в святки, рождественские праздники – не в праздники [507: 3]¹.

Недостаток этнографических и исторических работ о елке в России с лихвой восполняется громадным, буквально неисчислимым литературным материалом. Это стихотворения, рассказы, очерки о рождественских праздниках (которыми с середины XIX столетия стали заполняться святочные и рождественские номера газет и журналов), а также дневники и мемуары, авторы которых, вспоминая годы своего детства, как правило, не только не забывают рассказать о первых «елочных» впечатлениях, но, наоборот, описывают их тщательно и подробно.

¹ Здесь и далее ссылки на литературу даются в тексте в квадратных скобках. Первое число означает номер, под которым произведение значится в списке литературы, помещенном в конце книги, а второе (курсивом) – страницу. При необходимости римской цифрой обозначается том.

Занимаясь историей елки в России, я убедилась в том, насколько эта история сложна, интересна и поучительна.

В наше время новогодняя или рождественская елка представляет собой совершенно ординарное, привычное и всем хорошо знакомое явление. В последние десятилетия этот обычай распространился по всему миру и постепенно усваивается даже нехристианскими народами, в том числе и живущими на территории нашей страны. Однако процесс «прививки елки» в России был долгим, противоречивым, а временами и болезненным. Этот процесс самым непосредственным образом отражает настроения, пристрастия и состояние различных слоев русского общества. В ходе завоевания популярности елка вызывала восторг и неприятие, полное равнодушие и даже вражду. Прослеживая историю русской елки, можно увидеть, как постепенно меняется отношение к этому дереву, как в спорах о нем возникает, растет и утверждается его культ, как протекает борьба с ним и за него и как елка наконец одерживает полную победу, превратившись во всеобщую любимицу. Нетерпеливое ожидание елки детьми и ее явление в Рождественский сочельник или в новогодний вечер становится одним из самых счастливых и памятных переживаний ребенка. Елки детства запечатлеваются в памяти на всю жизнь.

Как сможет убедиться читатель, излагая историю и мифологию русской елки, я широко использую как документальные свидетельства о ней (мемуары, дневники, газетную и журнальную информацию), так и художественные тексты (прозаические и стихотворные). Я понимаю, что последнее обстоятельство может вызвать недоумение: разве можно при воссоздании истории того или иного явления полагаться на художественный вымысел? Это недоумение вполне оправдано. Постараюсь объяснить свою позицию. Во-первых, литературные произведения не в меньшей, если не в большей, степени, чем документальные тексты, предоставляют возможность проследить, как возникали и не раз менялись приписываемые елке символические значения. Мифология елки создавалась и поддерживалась в большой мере именно художественной литературой. Во-вторых, собирая материал о елке, я не раз убеждалась в том, что если в литературном произведении описываются те или иные подробности праздника елки, то это означает, что они уже вошли в жизнь. Так, например, если в печати появляется стихотворение, рассказывающее о празднике елки в детском приюте, то это свидетельствует о том, что в детских приютах уже начали устраивать елки. Если в том или ином рассказе мимоходом сообщается, что под елкой или на рождественской магазинной витрине установлена фигура старика с елкой, можно не сомневаться, что в обществе уже возникло представление о Деде Морозе как главном «елочном» персонаже. И наконец, если в каком-нибудь рассказе конца XIX века упоминается о висящей на елке электрической гирлянде, то это значит, что помимо традиционных свечей при освещении дерева уже начали использовать электрические лампочки. Разумеется, с подобного рода «художественной информацией» я старалась обращаться как можно осторожнее, хотя использовала ее достаточно широко.

Излагая материал, я привожу множество цитат, зачастую довольно объемных. Нетерпеливый читатель может спокойно их пропускать (они, как правило, выделены в отдельные абзацы), следя за развитием сюжета. Тот же, кто любит подробности, характеризующие как эпоху, так и описывающего эти подробности человека, может получить (как мне хочется надеяться) такое же удовольствие от этих цитат, которое получала от них я. Так, например, читатель встретится с воспоминаниями о семейном изготовлении елочных игрушек. Такие рассказы убеждают нас в том, сколь цепкой и прочной оказывается человеческая память, позволяющая много лет спустя до мельчайших деталей воспроизводить процесс делания китайских фонариков; как хранят руки ощущения от прикосновений к выпуклостям и извилинам орехов, которые золотились этими руками десятилетия назад; как губы, много лет назад отдувавшие легкие, сияющие листки тончайшей серебряной и золотой бумаги, помнят ласковые прикосновения этих листков.

Обычай устраивать на зимних праздниках елку тесно связан с исконным в мировой мифологии культом деревьев. Поэтому я начинаю свой рассказ о русской елке кратким обзором, посвященным образу дерева у разных народов, после чего следуют очерки о мифологии ели. Эти части моей работы не претендуют ни на новизну, ни на полноту: дереву как одному из самых универсальных мифологических образов посвящено множество серьезных исследований.

Сюжет о русской елке в основном излагается в исторической последовательности, хотя иногда мне приходилось то забегать вперед, то возвращаться назад. Заключается книжка очерками о главных «елочных» персонажах – Деде Морозе и Снегурочке, историю формирования которых в русском сознании я стремлюсь проследить с самого начала и до настоящего времени. В последние два десятилетия мы явились свидетелями (а в определенной степени и участниками) глобальных перемен в нашей жизни. Эти перемены не могли не отразиться и на елке. Современная елка требует специального исследования. Мною эта тема почти не затронута.

Я писала эту книгу для всех, кому может оказаться интересной судьба русской елки, и мне хотелось, чтобы она была понятна всем: и школьникам, и студентам, и уже немолодым людям, которым она напомнит, быть может, их детские новогодние праздники. Адресуясь к так называемому широкому читателю, я тем не менее сохранила весь справочный аппарат, для того чтобы каждый заинтересованный в истории елки в России смог обратиться к источникам, которые я использовала, и для того, чтобы каждый желающий смог продолжить, дополнить и исправить мое исследование.

В процессе работы мне помогли многие люди – справками, участием, заинтересованностью в теме моего исследования. Всех здесь не перечислить, но к каждому из них я испытываю чувство глубокой признательности.

Научный интерес к елке поддерживался и подогревался моим личным отношением к ней. С тех пор как я помню себя, ее образ присутствует в моем сознании. Я помню свою первую елку, которую мама устроила для меня и моей старшей сестры. Было это в конце 1943 года в эвакуации, на Урале. В трудное военное время мама все же сочла необходимым доставить своим детям эту радость. С тех пор в нашем доме ни одна встреча Нового года не проходила без елки. Среди украшений, которые мы вешаем на нашу елку, сохранилось несколько игрушек с тех давних пор. К ним у меня особое отношение.

2011

Дерево в мировой мифологии

Одухотворение и почитание деревьев, вера в то, что деревья являются живыми существами, в которые перешли души умерших, и что боги выбирают себе те или иные деревья для того, чтобы жить в них, издавна были свойственны всем народам. Переселившись в дерево, духи защищают человека от злых сил и неблагоприятных природных явлений. Существовали представления о «духе» или «душе» дерева. Их необходимо было «уважать соблюдением всех ритуальных требований от момента срубания живого дерева до момента его окончательной гибели» [241: 13].

Дерево воспринималось «носителем жизненных энергий, связывающих в единое целое мир человека, природы и космоса» [406: 12]. В зависимости от географических и климатических условий, а также местных традиций возникал культ дерева определенной породы, а вместе с ним и поддерживающие его обычаи. Объектом поклонения могли быть дуб, сосна, кипарис, ясень, эвкалипт и прочие деревья, в наибольшей степени характерные для той или иной климатической зоны. При этом считалось, что духи находят себе пристанище по преимуществу в наиболее раскидистых и высоких деревьях [см.: 159]. Особое предпочтение обычно отдавалось вечнозеленым растениям: сосне, ели, можжевельнику, кипарису и другим, поскольку, согласно бытовавшим верованиям, наполненность вечной силой проявляется в них в большей степени, чем в деревьях лиственных.

Благоговейное отношение к вечной зелени известно с древнейших времен. В Греции главным священным деревом считался кипарис, в Риме поклонялись фиговому дереву Ромула, а также кизилу, росшему на склоне Палатинского холма. Признаки увядания этих деревьев вызывали чувство ужаса, поскольку их засыхание, утрата ими свежести воспринимались как болезнь живущего в дереве духа, который заболевает и умирает вместе с деревом [см.: 482: 131]. Во многих первобытных культурах порубка деревьев в запретные дни и их порча расценивались как преступление, убийство: виновник гибели дерева подвергался жестокому наказанию [см.: 241: 11–13]. Поэтому индейцы, например, использовали для хозяйственных нужд только те деревья, которые упали сами. Вдыхание дыма горящих ветвей священного дерева могло вызвать временную одержимость, которая, как считалось, наделяла человека способностью к предсказаниям [см.: 482: 8–11].

Стремясь получить от дерева поддержку, люди совершали различного рода обряды, в которых проявлялось поклонение ему и почитание его. Иногда ритуальные действия совершались вне дома, за пределами «домашнего» пространства. Люди шли в лес, в поле или к источникам, где росло почитаемое ими дерево или группа деревьев (священная роща, лес), которые могли служить предметом культа в течение многих лет или даже десятилетий: «...священное дерево, растущее возле источника, – явление едва ли не универсальное в религиозной практике» [337: 8].

Иногда культовое дерево срубали и использовали в праздничных процессиях, неся его впереди шествия. В результате само дерево погибало, но уверенность в том, что его использование, по существу «участие», в церемонии благотворно скажется на судьбе людей, побуждало из года в год повторять этот обряд. Умершее дерево, согласно верованиям, не теряло своих магических свойств и после окончания праздника – его увядшей листве и стволу приписывалась способность благотворно влиять на судьбу человека: излечивать больного, повышать урожайность зерна, плодородие скота и людей, охранять человека от опасности. Поэтому по окончании обряда использованное дерево сжигали, пепел развеивали по полю, а уголья употребляли для лечения людей и скотины. Как пишет Т. А. Агапкина, «дерево, его части и предметы из него широко используются в семейной, календарной, хозяйственной и окказиональной обрядности и магии, а также в народной медицине» [5: 60].

Культовое отношение к деревьям обычно связывалось с определенным праздничным сезоном. Так, например, египтяне в день зимнего солнцестояния украшали дома зелеными пальмовыми ветвями; римляне во время празднования сатурналий прикрепляли к ветвям деревьев зажженные свечи; то же самое в дни рождения «нового солнца» за 2000 лет до нашей эры делали и друиды – жрецы древних кельтов. В Европе в первый майский день был распространен обычай поклонения «майскому дереву» (высокому, ярко украшенному шесту), которое в конце праздника сжигалось. Грузины к 31 декабря заготавливали для очага грабовые дрова и «чичилаки» (толстые ветки мелкого орешника), служившие у них ритуальным новогодним деревом, символом изобилия. В Сванетии на Новый год в доме обычно устанавливалась березка. У других кавказских народов ель и береза (береза с орехом или ель с дубом), поставленные рядом, рассматривались как средоточие жизненных сил, воплощение символики оплодотворения – как соединение мужского и женского начал [см.: 406: 12]. Молодежь кавказских горских евреев ночью в первый день весны шла в лес на поиск «шам агажи» («дерева-свечки»), которое срубали, разводили из него костер, прыгали через него и при этом пели [см.: 507: 15].

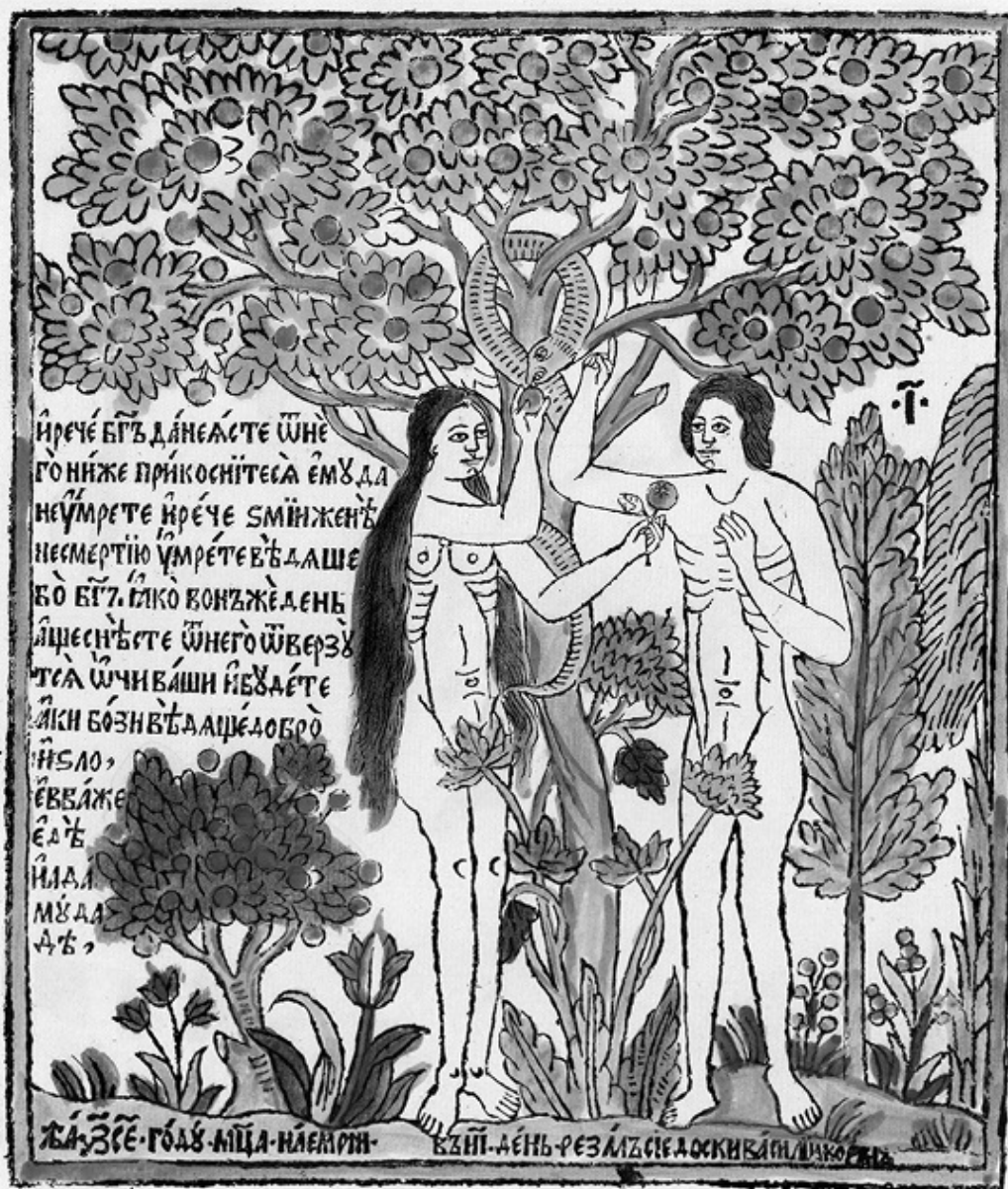
У ряда европейских народов во время рождественского сезона издавна использовалось рождественское (или святочное) полено – громадный кусок дерева, колода или пень, которые зажигались в очаге в первый день Рождества и понемногу сгорали в течение двенадцати дней праздника. Согласно распространенному верованию, бережное хранение кусочка рождественского полена защищало дом от огня и молнии, обеспечивало семье обилие зерна и помогало скотине легко выносить потомство. В качестве рождественского полена использовались еловые или буковые деревья. У южных славян это так называемый бадняк (*серб.* – *хорв.* бадгъак) [см.: 454: 127–131], у скандинавов – *juldlock*, у французов – *le bûche de Noël* (рождественский чурбан).

В Европе с языческим празднеством зимнего солнцестояния издавна была связана омела (кустарниковое растение, паразитирующее на ветвях других деревьев и имеющее зелено-белые плоды, которые появляются в середине зимы). Поклонение омеле известно со времен кельтов. Ее использование в качестве священного растения было характерно и для древних римлян (вспомним строки из стихов Иосифа Бродского: «Провинция справляет Рождество. / Дворец наместника увит омелой...» [60: 27]). Языческое происхождение поклонения омеле подтверждается тем, что христианские священники долгое время не разрешали вносить ее в церковь. Даже в наше время омелой (а также остролистом, плющом и хвоей) украшают по преимуществу жилые дома, в то время как «другой зеленью – падубом, плющом, самшитом – украшают как дома, так и церкви» [181: 86]. Только в Англии, где культ омелы особенно распространен, на Рождество ее вьющимися ветвями украшают и жилые дома, и церкви. В основании до сих пор существующего у англичан мистического отношения к омеле лежит идея вечной жизни [см.: 538: 230].

В космогонических мифах (то есть в мифах, объясняющих происхождение и устройство мира) у всех народов присутствует образ мирового дерева, «где оно рассматривается как опора, обеспечивающая стабильность миропорядка» [406: 12]. Организация мира свершилась благодаря превращению мирового дерева в космическую опору. В мифологических сказаниях оно всегда помещается в сакральном центре мира и занимает вертикальное положение, отчего вертикаль стала преобладающей чертой, определившей структуру вселенского пространства. В мировом дереве выделяются три составляющие его части: корни, ствол и ветви, каждая из которых соотносится с определенными мифологическими персонажами. С помощью мирового дерева, «воплощающего, – как отмечает В. Н. Топоров, – универсальную концепцию мира», описываются все его основные параметры [457: 398].

Одним из вариантов мирового дерева является древо жизни, главный смысл которого состоит в хранящейся в нем жизненной силе. В образе древа жизни отразились представления о библейском дереве, посаженном Богом среди рая, вкушение плодов которого дает человеку

бессмертие. Противоположностью древа жизни стал образ древа познания добра и зла; съедание его плодов делает человека смертным, лишая его райского блаженства. Именно это и случилось с Адамом и Евой после того, как они, искушенные дьяволом, попробовали его плод: Бог прогнал их из рая, и в результате древо жизни стало для людей недоступным [см.: 337: 8–9]. Впоследствии оба эти дерева – древо жизни и древо познания добра и зла – соединились в одном мифологическом образе. В памятнике древнерусской письменности XVII века «Повести о Горе-Злочастии» Бог «запрещает вкушать плода виноградного от едемского древа великого». Тот же образ встречается и в других фольклорных и древнерусских текстах: в «Стихе о Голубиной книге», в апокрифах, в народных (лубочных) картинках. В Средние века шли жаркие споры о том, какой породы было райское древо познания добра и зла: одни называли яблоню, другие – апельсиновое дерево, третьи – виноградный куст. У германских народов считалось, что райским деревом была ель, которая со временем и превратилась у них в символ древа жизни. Райское древо, увешанное плодами, изображалось в священных книгах и на иконах. Из европейских средневековых мистерий, представляющих райскую жизнь, этот образ перешел в украинские, галицкие, польские и румынские колядки.

Корень 10.

«Адам и Ева вкушают от запрещенного плода» из Лицевой Библии Вас. Кореня (между 1692 и 1696) // Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Атлас. Т. 1. СПб., 1881. № 376. Нью-Йоркская публичная библиотека

Наряду с легендами о древе жизни и древе познания добра и зла была распространена возникшая в X веке богомильская легенда о крестном древе. Согласно этой легенде, Моисей на пути в Египет посадил чудесное дерево, сплетя воедино три растения: ель, кедр и кипарис, в результате чего вода в текущем поблизости источнике стала сладкой. И тогда ангел возвестил о том, что посаженное Моисеем дерево станет спасением и «жизнью мира», потому что на нем распнут Христа. Пожелав сделать из этого дерева храм, Соломон срубил его, но, поскольку древесина оказалась непригодной для строительства, срубленное дерево так и осталось лежать на прежнем месте. Впоследствии именно из него были сделаны кресты, установленные на Голгофе для распятия Христа и разбойников [см.: 337: 8–9].

В средневековой культуре существовало также представление о «чудесном древе»: искусно сделанном дереве, на ветвях которого поют механические птицы. Основанием для воз-

никновения в памятниках письменности образов чудесных деревьев, по мнению А. Н. Веселовского, служили «действительные чудеса средневековой механики, быстро ставшие предметом легенды, которая, в свою очередь, могла давать краски для их изображения. При дворе халифов красовалось дерево, сделанное из золота и серебра и расходившееся на 18 ветвей», на которых среди серебряной и золотой листвы сидели металлические птицы. В них был заложен механизм, заставлявший их петь, а ветви дерева – колебаться [74: 51–52].

В одном из сказаний о византийском царе Михаиле, правившем в X веке, есть рассказ о золотом дереве, находившемся рядом с его престолом и бывшем символом царской власти: «...на золотом древе птицы золотые и серебряные, а поют различными гласами». Услышав об этом дереве, другие цари послали с дарами к Михаилу своих послов, чтобы на основе их описаний сделать такие же деревья в своих царствах. Однако создать их так и не удалось, и тогда к Михаилу отправили послов с предложением продать золотое дерево или же поменять его на несметные богатства: «на царства и города, на золото и серебро довольно». Но византийский правитель решительно отказался продавать дерево и велел послам передать своим царям, что, видимо, они, обещая ему за дерево «царства, и города, и золото, и серебро», считают себя «многоразумными и многомысленными, а его неразумным» [74: 55].

Золотое дерево упоминается и при описании чудесного органа. Когда его меха приводились в движение, сидящие на дереве искусственные птицы начинали петь «на разные тоны», в то время как четыре ангела с золотыми трубами, извлекавшие из них тонкие звуки, показывали рукой на изображение Страшного суда, как бы призывая усопших к воскресению. Образ чудесного крестного дерева с поющими на нем птицами, являющегося символом христианства или всего мира, часто встречается в легендах и сказаниях.

Характерное для всех народов почитание деревьев, зажигание на них огня и украшение их, а также представление о ставшем основой миропорядка мировом древе (вариантами которого являются древо жизни, древо познания добра и зла и чудесное дерево) и послужили основой возникновения обычая рождественской елки.

Культ деревьев на Руси

У восточных славян, а потом у русских особо почитаемым деревом стала береза, хотя предметом поклонения бывали и деревья других пород (дуб, сосна, ель). Предпочтение, отдаваемое березе, в значительной мере объясняется ее широким распространением на территории Среднерусской равнины, а также тем, что дерево это, распускающееся весной раньше других, воспринималось как средоточие животворных сил. Поскольку береза, в отличие от хвойных деревьев, сбрасывает на зиму листву, ее использование в календарной обрядности соотносилось не с зимним, а с весенним и летним сезонами. Символизируя возрождение жизни, береза превратилась в объект особого почитания поздней весной, в период весенних (или зеленых) Святков, после принятия христианства совпавших с Троицкой неделей, приходившейся по старому календарю на конец мая или же начало июня. Именно в это время, когда даже в северных районах листья на березе уже распускаются, сохраняя весеннюю свежесть и аромат, она и становилась центром обрядовых действий.

Весенние Святки праздновались обычно на лоне природы: в лесах и рощах, на берегах рек, озер, прудов – там, где росла береза. Участники действия (по преимуществу молодежь) украшали только что распустившиеся ветви, «завивали» их и с песнями водили вокруг дерева хороводы. «Завивание» березки состояло в завязывании ее веток таким образом, что получались венки. Иногда нижние ее ветви сплетали с травами, для того чтобы передать траве и земле животворную силу только что распустившегося дерева. Из березовых ветвей плели венки и бросали их в реку, что стало одним из самых распространенных способов гадания в этот период года. Бросив венок в воду, девушки следили за тем, как он плыл по течению, отмечая, потонет он или нет, прибьется к берегу или же беспрепятственно уплывет вниз по реке. Так они стремились угадать свое будущее: утонувший венок предвещал близкую смерть той девушке, которой он принадлежал; венок, прибитый к берегу, свидетельствовал о том, что в текущем году его владелица не выйдет замуж, а венок, уплывший по течению, означал предстоящее в ближайшее время замужество.

Дружеское Общество Моск. 17 Февраль 1868 г.

НИТЬ СНИ Я.

Лит. изд. литогр. Е. Яковлева Московской час. 9 Мар: 22 д. Издательский.

Ай во поле! ай во поле!
Ай во поле липанья!
Подь липою, подь липою
Подь липов вьль шатерь
Вь томъ шатрѣ столѣ стоятъ,
За тьмѣ столомъ дѣвица

Рвала цвѣты со травы
Вьла вѣнки съ городы
Кому вѣнокъ носить?
Носити вѣнокъ старому
Старому вѣнокъ не носить

Моя молодость не свережеть
Ай во поле липанья!
Подь липою вьль шатерь
Вь томъ шатрѣ столѣ стоятъ
За тьмѣ столомъ дѣвица!

Рвала цвѣты со травы
Вьла вѣнки съ городы.
Кому вѣнокъ носить?
Носити вѣнокъ молодцу
Молодецъ тотъ вѣнокъ сноситъ
Моя молодость свережеть

Праздник Семик. Лубочная картинка «Ай во поле! Ай во поле! Ай во поле липинка!..».
[Москва]: Литогр. Е. Яковлева, 1868. Российская государственная библиотека

В лесу около березки девушки «кумились» – целовались через березовые венки и обменивались крестиками, что означало вступление в духовное родство. Этот обряд в разных местностях имел свои особенности. По воспоминаниям А. А. Фета,

в Троицын день шли... в лес завивать венки и кумиться. Последнее совершалось следующим образом: на ветку березы подвешивался березовый венок, и желающая покумиться женщина вешала на шнурке в середину венка снятый с шеи тельник; затем кумящиеся становились по обе стороны венка и одновременно целовали крест с двух сторон, целуясь в то же время друг с другом [474: 73].

На Троицу березку, обряженную лентами, платочками и яркими тряпочками, срубали и с песнями несли в деревню, обходя с ней все дворы, после чего сжигали или бросали в воду. Принято было также, срубив березовое деревце (или же его ветки), приносить его в избу и ставить в красный угол, что должно было способствовать свершению в семье благоприятных событий и отгонять злых духов.

Особое пристрастие русских к березе живо до сих пор. Это дерево с яркой листвой, нежным свежим запахом и белым в черных крапинках стволом считается в России эталоном растительной красоты: «Любимое дерево русских песен и русских обрядов – березка» [360: 56]. С 20-х годов XX века начинается «массовое вторжение березы в литературу», чему, по мнению В. В. Иофе, способствовал Сергей Есенин, благодаря которому «береза, как главное символическое дерево России, прочно обосновывается в поэтическом пейзаже русской поэзии» [171: 255]. Постепенно береза превратилась в растительную эмблему русских, что нашло отражение во многих народных и авторских песнях, в стихотворениях, кинофильмах, в массовой куль-

туре. В кинофильме Василия Шукшина «Калина красная» герой, только что вышедший из заключения, останавливает машину рядом с березовой рощей и бережно гладит стволы березок, разговаривая с ними и лаская их. В телесериале начала 1970-х годов «Семнадцать мгновений весны» советский разведчик Штирлиц, увидев у шоссе березовую рощу, также выходит из машины и долго лежит под березами, напомнившими ему родину. В советское время именно «Березками» повсеместно назывались валютные магазины, кафе и рестораны. Напомню также о широко известном, образованном в 1948 году хореографическом ансамбле «Березка». Все это в некоторой мере испошло сам образ: по поводу пресловутого культа этого «русского» дерева Илья Эренбург однажды иронически заметил: «Береза может быть дороже пальмы, но не выше ее» [цит. по: 66: 45].

Наряду с почитаемыми в народной культуре существуют и проклятые деревья, вызывающие отрицательные эмоции. Таково, например, восприятие русскими осины, которая в их представлениях связывается с низшим миром. Неприятие осины объясняется скорее всего тем, что это дерево обычно произрастает в низких, глухих, болотистых местах, которые считаются прибежищем нечисти. Плотные, гладкие, мелкие листья осины из-за длинных черенков дрожат от любого, даже самого легкого, дуновения ветра, что создает в осиннике характерный звуковой эффект тревожного, сухого, почти металлического шороха и мелькающего движения, в соответствии с пословицей: «Одно проклятое дерево без ветра шумит» [113: II, 365]. И. С. Тургенев в рассказе «Свидание» писал об осине:

Я, признаюсь, не слишком люблю это дерево – осину – с ее бледно-лиловым стволом и серо-зеленой, металлической листвой, которую она вздымает как можно выше и дрожащим веером раскидывает на воздухе; не люблю я вечное качанье ее круглых неопрятных листьев, неловко прицепленных к длинным стебелькам [464: III, 241].

В русской поэзии «осина как была, так и осталась почти полным изгоем» [171: 247]. Согласно давнему обычаю, осиновый кол вбивали в мертвецов, считавшихся вурдалаками (вампирами), выходящими, по народным верованиям, из могилы и пьющими людскую кровь. При этом тело мертвеца поворачивали лицом вниз, к земле, а кол вбивали в спину, чтобы впредь вурдалак не мог вылезти из могилы. Считается также, что именно на осине повесился Иуда, отчего ее и стали воспринимать как дерево самоубийц: «Хоть самому на осину, прости Господи!..» – думает отчаявшийся бедняк в рассказе И. А. Бунина «Нефедка» [65: 138], а Ф. К. Сологуб в стихотворении 1886 года писал:

Трепещет робкая осина,
Хотя и легок ветерок.
Какая страшная причина
Тревожит каждый здесь листок?

Предание простого люда
Так объясняет страх ветвей:
На ней повесился Иуда,
Христопродавец и злодей.

А вот служители науки
Иной подносят нам урок:
Здесь ни при чем Христовы муки,
А просто длинный черенок. [430: 87]

Ель в мировой мифологии

Ель – вечнозеленое хвойное дерево семейства сосновых с конусообразной кроной и длинными чешуйчатыми шишками. Это дерево издавна использовалось в качестве магического растительного символа. В Древней Греции, например, ель почиталась в качестве священного дерева Артемиды, богини охоты. Участники дионисийских шествий обычно несли еловые ветви с шишками и ветки плюща. В одном из древнегреческих мифов рассказывается о том, как Кибела – богиня гор, лесов и зверей – превратила бога Аттиса, умиравшего от раны, нанесенной ему кабаном Зевса, в дерево, под которым она сидела и плакала до тех пор, пока Зевс не пообещал ей, что оно станет вечнозеленой елью. Есть мнение, что именно из древесины серебристой ели, считающейся столь же старым деревом на севере Европы, как и пальма на юге, был сделан Троянский конь. Согласно легенде, еловая древесина была использована в качестве символа на потолке храма Соломона. В кельтской мифологии ель, символизовавшая собою день зимнего солнцеворота, воспринималась как существо женского пола: как дерево рождения или сестра тиса, который считался деревом смерти [см.: 538: 388].

У многих народов ель была особо почитаемым деревом в первый день Нового года, связанным с днем зимнего солнцестояния. Так, например, народы Западной Сибири – ханты и манси – считали ее «священным шестом», которому они приносили жертвы. Удмурты, также поклонявшиеся ели, зажигали на ней свечи, совершали моления, принося жертвоприношения еловым ветвям, которые почитались у них как богини. В «Житии Трифона Вятского» (начало XVII века) есть рассказ о «посечении» преподобным Трифоном священной ели вотяков (удмуртов), увешанной «утварью бесовской» – серебром, золотом, шелком, платками и кожей:

Обычай бо бе им, нечестивым по своей их поганской вере идольские жертвы творити под деревом ту стоящим, и всякой злобе начальник враг-Дьявол вселися ту и обладаше деревом тем, мечту творя всяким злоказньством [78: 166; см. также: 383].

Те же удмурты обычно клали на пол еловую ветвь, предлагая ей в жертву хлеб, мясо и питье, а перед началом строительства дома ставили под фундамент маленькую елочку и, расстелив перед ней скатерть, приносили ей жертвоприношения. Возвращаясь после похорон с кладбища, они стегали друг друга еловыми ветками, дабы воспрепятствовать злым духам преследовать их до дома. В качестве таких ритуальных бичей еловые ветви использовали многие северные народы.

Широко применялось еловое дерево в магии и медицине. Согласно бытовавшему в Баварии поверью, для того чтобы сделаться невидимым, перед зарей накануне дня Ивана Купалы необходимо отыскать ель и съесть семена из тех ее шишек, которые растут вверх. Германские народы верили в то, что ель излечивает подагру. Страдавший от этой болезни человек либо завязывал узел из ее ветвей, либо в течение трех «благоприятных» пятниц после захода солнца ходил к ели и, произнося магические стихи, «переносил» свою подагру в дерево, которое в результате засыхало и умирало. Сделанный из еловой хвои или молодых кончиков еловых веток бальзам использовался от цинги, грудных и легочных болезней, для излечения ран, язв и пр. Этим бальзамом также натирали обветренные и потрескавшиеся руки. Для его приготовления внутреннюю кору ели раздалбливали до мякоти и настаивали на кипятке, после чего из полученного настоя делали припарки. Некоторые индейские племена использовали ель для излечения от головной боли [см.: 538: 388].

Наряду с этим ели издавна приписывалась смертная символика. Еще Плиний Старший (I век н. э.) считал ель похоронным деревом. Если в еловое дерево, растущее возле дома, ударяла молния, это рассматривалось как знак скорой смерти его хозяев.

История превращения ели в рождественское дерево до сих пор во всех деталях не восстановлена. Существует мнение, что этот обычай восходит к гораздо более древней традиции майского дерева. Наверняка известно лишь то, что случилось это на территории Германии, где ель во времена язычества была особо почитаемой и отождествлялась с мировым деревом: «Царицей германских лесов была вечнозеленая ель» [1: 20]. Именно здесь она и стала сначала новогодним, а позже – рождественским растительным символом. Среди германских народов был распространен обычай ходить под Новый год в лес, где выбранное для обрядовой роли еловое дерево освещали свечами и украшали цветными тряпочками, после чего вблизи или вокруг него совершали соответствующие обряды. Со временем еловое деревцо стали срубать и приносить в дом, где его устанавливали на столе. К нему прикрепляли зажженные свечки, вешали яблоки и сахарные изделия. Возникновению культа ели как символа неумирающей природы способствовал вечнозеленый покров этого дерева, позволявший использовать его во время зимнего праздничного цикла.

После крещения германских народов обычаи и обряды, связанные с почитанием ели, начали постепенно приобретать христианский смысл, и ее стали употреблять на Рождество, устанавливая в домах не на Новый год, а в Рождественский сочельник (24 декабря), отчего она и получила название рождественского дерева – *Weihnachtsbaum*. С этих пор в сочельник (*Weihnacht*) праздничное настроение стало в Германии создаваться не только рождественскими песнопениями, но и елкой с горящими на ней свечами [544: 261–278]².

О происхождении рождественского дерева существует множество легенд. Согласно одной из них, в ночь Рождества Христова все деревья в лесу расцвели и дали плоды. Возможно, именно на основе этой легенды и укоренился обычай вешать на елку яблоки, цитрусовые и другие фрукты. В некоторых местах Европы в качестве рождественского растительного символа до сих пор используется цветущее дерево: так, например, вишню содержат в особых условиях, добываясь того, чтобы она расцвела как раз к Рождеству.

В другой легенде говорится о том, как в Рождественскую ночь все растения отправились в Вифлеем поклониться рожденному Спасителю. Первыми пришли растущие неподалеку от Вифлеема пальмы, затем дошли чужестранные болиголовы³, буки, березы, клены, дубы, магнолии, нежные тополи, изящные эвкалипты, гигантские красные деревья и высокие кедры. А с дальнего холодного Севера пришла маленькая елочка, которая на фоне других деревьев выглядела скромной Золушкой. Деревья делали все возможное, для того чтобы скрыть ее от глаз Святого Младенца. И вдруг на небе свершилось чудо: началось движение звезд. Они стали падать на землю и так, падая одна за другой, опускались на ветки маленькой елочки, пока вся она не засияла блеском сотен огней.

В третьей легенде рассказывается об ангелах, которые пошли в лес выбирать дерево Рождества. Вначале они сочли, что таким деревом должен стать могучий дуб. Однако один из ангелов не согласился с этим мнением. «Нет, – сказал он, – мы не можем выбрать дуб. У него слишком твердая и слишком хрупкая древесина, а кроме того, из дуба делают кресты для могил». Отправившись дальше, ангелы подошли к буку, и тогда второй ангел сказал: «И бук мы не можем выбрать в качестве рождественского дерева, потому что осенью он слишком рано увядает и быстро теряет листву». Когда ангелы увидели березу, третий из них заметил: «Береза тоже не подходит для наших целей, поскольку ее ветки обычно используют в качестве бичей

² В последние годы идет жаркая борьба за первенство установления рождественской елки между латышами и эстонцами. Так, латыши убеждены в том, что впервые она была установлена в Риге в 1510 году, в то время как эстонцы утверждают, что первая елка появилась на Ратушной площади Таллинна в Рождественский сочельник 1441 года.

³ Здесь: тсуга – разновидность хвойных деревьев.

для наказания провинившихся». Точно так же была отвергнута ива: по мнению четвертого ангела, это дерево большую часть времени плачет и потому никак не подходит для того, чтобы быть символом радости. Наконец ангелы подошли к ели и из-за ее вечнозеленого покрова, стройной, симметричной формы и приятного запаха хвои единодушно выбрали ее деревом Рождества. Так ель и стала рождественским деревом [см.: 546: 45–46].

В одной из старинных германских легенд рассказывается о том, как однажды в Рождественский сочельник лесник и его домочадцы, собравшиеся возле очага, вдруг услышали робкий стук в дверь. Открывший дверь хозяин увидел стоявшего у порога продрогшего и изможденного ребенка. Он пригласил мальчика в дом, где малютку приветствовали, обогрели и накормили, а мальчик Ганс уступил ему свою постель. Утром все проснулись от звуков ангельского пения и увидели, что ночной гость стоит преображенный среди ангелов. И только тут в малютке, которого они приютили у себя, признали Младенца Христа. Прощаясь с семьей лесника, Господь отломил еловую ветку, воткнул ее в землю и сказал: «Зрите, я принял ваши дары, а это мой подарок вам. Впредь это дерево всегда будет плодоносить на Рождество, и вы всегда будете жить в довольстве и достатке» [546: 46].

О том, где и когда елка впервые была использована в качестве рождественского дерева, существует множество мнений. По одним сведениям, это случилось в Эльзасе. Данное свидетельство относят к 1521 году, когда власти города Селеста поручили леснику срубить для них елку на Рождество. «К середине XVI века этот обычай настолько полюбился, что елки повсеместно стали устанавливать в домах, так что в 1555 году отцы города вынуждены были ввести штраф за порубку леса» [508: 88–89].

Однако чаще всего начало использования ели как символа Рождества связывают с именем знаменитого немецкого реформатора Мартина Лютера (1483–1546), хотя в XVI веке этот обычай еще не получил на территории Германии широкого распространения. Лютеру же приписывается и установление рождественского дерева в доме. Исторические свидетельства этого факта отсутствуют. Достоверно известно лишь то, что именно Лютер санкционировал, утвердил и одобрил празднование Рождества как мирского праздника, полагая, что это послужит основанием для невинных общественных удовольствий и семейных торжеств, в которых особое место уделяется детям.

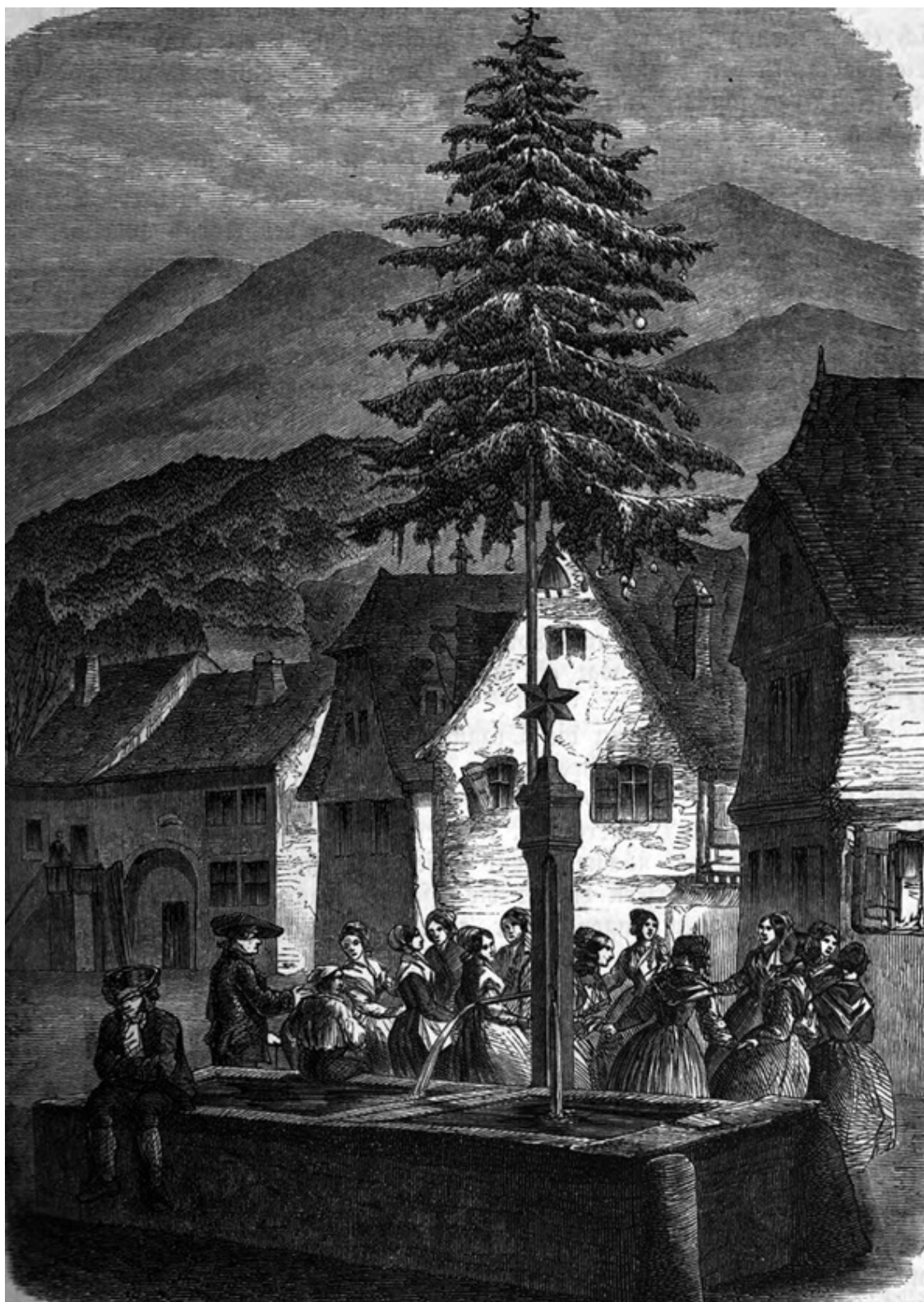

Мартин Лютер, празднующий Рождество со своей семьей. Гравюра Е. Л. Кёнига // Stork T. B. Luther's Christ-Baum. Philadelphia, 1855

Сохранилась легенда о том, как в один из Рождественских сочельников Лютер возвращался домой сначала по заснеженному полю, а потом через лес. Он глубоко задумался и вдруг, взглянув на небо, увидел звезды, ярко сверкавшие сквозь темные ветви елей. Эта картина напомнила ему первую рождественскую ночь в Вифлееме, которая свершилась за много столетий до переживаемого им момента. Лютер стал размышлять о безграничной любви Бога, пославшего в мир своего единственного сына как Спасителя всех грешных людей. Эти думы не покидали его и по возвращении домой, где он поделился с домочадцами. Для подкрепления своих мыслей Лютер вышел в сад, срезал маленькую елочку, принес ее в дом, прикрепил к ней свечи и зажег их, тем самым представив милость открывшихся небес, позволивших Господу Иисусу спуститься на землю. После этого случая на каждое Рождество в доме Лютера устанавливалось рождественское дерево. Сохранилась гравюра XVI века, на которой Лютер с семьей изображен возле елки с горящими на ней свечами [536: 106].

Согласно другому варианту легенды о Лютере, именно он в честь рождения Христа прикрепил к ели горящие свечи. Однажды, как гласит эта легенда, в Рождественский сочельник Лютера очень взволновало видение мириад мерцающих звезд, которые, как ему казалось, дотрагивались до верхушки величественной ели. Стремясь передать свое впечатление от этого зрелища, он срубил дерево и установил его в своем доме как символ силы и мира, приходящих к человеку через Христа. Прикрепленные к ветвям дерева зажженные свечи символизировали собою тот свет, который сиял в ночь рождения Христа [534: 19].

Если отраженный в легендах эпизод действительно имел место и если именно Лютер породил обычай устанавливать в Рождественский сочельник елку, то все же следует отметить, что его примеру соотечественники последовали далеко не сразу. Через столетия после смерти Лютера на территории Германии еще незаметно следов широкого использования ели на Рождество. Первое письменно зафиксированное свидетельство о начале этого обычая относится к 1605 году: на Рождество некий немецкий путешественник пришел в Страсбург, бывший в то время вольным городом империи. Когда он пересек Рейн, то увидел в домах тамошних жителей украшенные (но неосвещенные) елки. Он был удивлен и впоследствии написал по этому поводу: «В Страсбурге на Рождество приносят в дома еловые деревья и на эти деревья кладут розы, сделанные из цветной бумаги, яблоки, вафли, золотую фольгу, сахар и другие вещи» [546: 46]. Из Страсбурга обычай устанавливать в сочельник ярко украшенное дерево стал распространяться по другим городам и деревням вдоль Рейна. Это обыкновение стало широко известным, так что пасторы вдруг увидели в нем опасность. Один лютеранский теолог в своих проповедях неоднократно осуждал новый обычай, говоря, что блеском, сверканием и красотой дерево отвлекает людей от мыслей о Рождестве Младенца Христа, который должен быть единственным центром праздничного торжества.

Новогодняя елка у колодца. Гравюра Отто фон Рейнсберг-Дюрингсфельда. Баварская государственная библиотека. Мюнхен

Обычай зажигать на дереве свечи очень давний, и он неоднократно упоминается в литературных произведениях; так, например, в легендах о короле Артуре встречаются эпизоды, где описывается освещенное дерево [см.: 533]. Первые письменные данные о рождественском дереве с зажженными на нем свечами, установленном в городе Ганновере, центре Нижней Сак-

сони, относятся только ко второй половине XVII века. При этом в них говорится не об одном еловом дереве, а о нескольких маленьких деревцах со свечками на каждой ветке. Со временем группа деревьев была заменена одной большой елкой [см.: 71: 149]. Рождественское дерево со свечами и украшениями впервые упомянуто только в 1737 году. Пятьюдесятью годами позже датируется запись некой баронессы, которая отмечает, что в каждом немецком доме «приготавливается еловое дерево, покрытое свечами и сладостями, с великолепным освещением» [546: 47].

Таким образом, окончательно на территории Германии рождественская елка была освоена только к середине XVIII века. В романе Гёте «Страдания юного Вертера», вышедшем в свет в 1774 году, мельком, как уже о чем-то хорошо знакомом и привычном, говорится, с каким нетерпением дети ожидают поездки к Лотте на елку, где они получают подарки:

Дети вскоре нарушили его (Вертера. – *Е. Д.*) одиночество, они бегали за ним, висли на нем, рассказывали наперебой: когда пройдет завтра, и послезавтра, и еще один день, тогда они поедут к Лотте на елку и получают подарки; при этом они расписывали всяческие чудеса, какие им сулило их нехитрое воображение» [97: 87].

На рубеже XIX столетия на площадях немецких городов в Рождественский сочельник начали устанавливать большие еловые деревья. Свидетельством окончательного усвоения немцами этого обычая можно считать появление елок на рождественских ярмарках. Если в 1785 году на ярмарке в Лейпциге елки еще не продавали, то в 1807 году на Дрезденской ярмарке их уже было множество.

В сочельник установленную в доме елку украшали блестками и мишурой, освещали свечками, лампочками или фонариками. Под ней или же на ее ветвях раскладывали подарки вначале только для детей, а позже – и для остальных членов семьи. К верхушке прикреплялась Вифлеемская звезда или же геральдический ангел. Дерево (а иногда лишь одна его ветка) стояло в доме в течение всего праздничного периода. Во многих местах считалось необходимым выносить елку из дома перед Двенадцатой ночью (Богоявлением). В соответствии с распространенным суеверием во избежание несчастья все рождественские украшения нужно было убрать из церкви перед Свечной мессой. Считалось, что любая хвоинка или еловая веточка, оставшаяся на церковной скамье, способна принести несчастье тому, кто на нее сядет. По той же причине немцы следили и за тем, чтобы на рождественском дереве было четное количество свечей [см.: 538: 388].

Освоенный в Германии обычай к концу XVIII столетия начинает распространяться по другим странам Европы. Первыми рождественское дерево переняли у немцев жители северных европейских стран, хотя полного признания елка не получила у них вплоть до середины XIX века. Гораздо чаще хвойными ветками они украшали лишь потолок и двери. Иногда же вместо елки использовался обвитый красной и зеленой бумагой шест, освещенный восемью или десятью свечками [см.: 181: 109]. Первые сведения о рождественском дереве в Швеции относятся к концу XVIII века, в Финляндии – к 1800 году, в Дании – к 1810-му, а в Норвегии – к 1828 году. В Бельгии и в Нидерландах рождественское дерево (*Kerstboom*) было освоено только к середине XIX века, а во многих провинциях этот обычай не принят еще до сих пор: например, не признают в некоторых частях Фландрии. И все же в настоящее время «в большинстве городских и сельских домов нарядная елка, увенчанная звездой и обвешанная блестящими шарами, яблоками и конфетами, является необходимой принадлежностью» зимнего праздника [181: 75]. К Рождеству ветки падуба, омелы и ели доставляют в города Бельгии и Нидерландов на баржах по каналам и продают на рынках и на улицах. К. Смык в своей недавней книге, посвященной польской елке и ее символике в польской культуре, датирует появление первых елок в Польше 1815 годом [548: 30].

Полагают, что в Париже рождественское дерево впервые появилось в 1840 году при дворе короля Луи-Филиппа. Инициатором этого события стала невестка короля лютеранка герцогиня Елена Орлеанская, урожденная немецкая принцесса Мекленбургская. Дерево было воздвигнуто перед королевским дворцом Тюильри. Однако обычай рождественской елки распространился по Франции медленно. Впервые дерево было установлено снаружи, а не внутри помещения, отчего его нельзя было осветить, и потому выглядело оно не слишком эффектно. Кроме того, во Франции долго сохранялся обычай жечь в сочельник рождественское полено (*le bûche de Noël*), и елка усваивалась не столь охотно, как в северных странах. В рассказе-стилизации писателя-эмигранта М. А. Струве «Парижское письмо», где описываются «первые парижские впечатления» русского юноши, отмечавшего Рождество 1868 года в Париже, говорится: «Комната... встретила меня приукрашенной, но елки, любезной мне по петербургскому обычаю, даже хотя бы и самой маленькой, в ней не оказалось» [438: 635]. 19 декабря 1925 года Марина Цветаева писала своей чешской приятельнице Анне Тесковой из Парижа:

...Прага: там все подарочно, все елочное. Здесь (нынче 19-ое) елкой и не пахнет, в самом настоящем смысле слова. Елка считается германским обычаем, большинство ограничивается сжиганием в (дымящем!) камине – «*bûche de Noël*». Подарки к Новому Году, в туфлю. И всё [494: 36].

В Англии первое рождественское дерево было установлено в 1841 году, когда королева Виктория вышла замуж за немца Альберта Саксен-Кобург-Готского. Именно тогда в Виндзорском замке (летней королевской резиденции) по настоянию принца и было устроено рождественское дерево «для удовольствия его молодой жены и маленьких детей». После праздника, проведенного с украшенной и освещенной елью, принц Альберт писал отцу, как он сам с большим нетерпением ожидал этот «милый рождественский сочельник» и как этому событию радовались его дети: «Сегодня я принимал двух своих деток, чтобы вручить им подарки, которые (они и сами не знали отчего) были несказанно счастливы и дивились на немецкое рождественское дерево и его сияющие свечи» [542: 75].

Рождественское дерево в Виндзорском замке. Иллюстрация из рождественского приложения к «Иллюстриред Лондон Ньюс». Декабрь 1848. Британская библиотека

Вскоре каждая британская семья, бывшая в состоянии купить и украсить елку, стала подражать королевскому дому, и этот обычай столь же распространился, как обязательные рождественские блюда – жареный гусь и плум-пудинг [1: 20]. В декабрьском номере лондонской

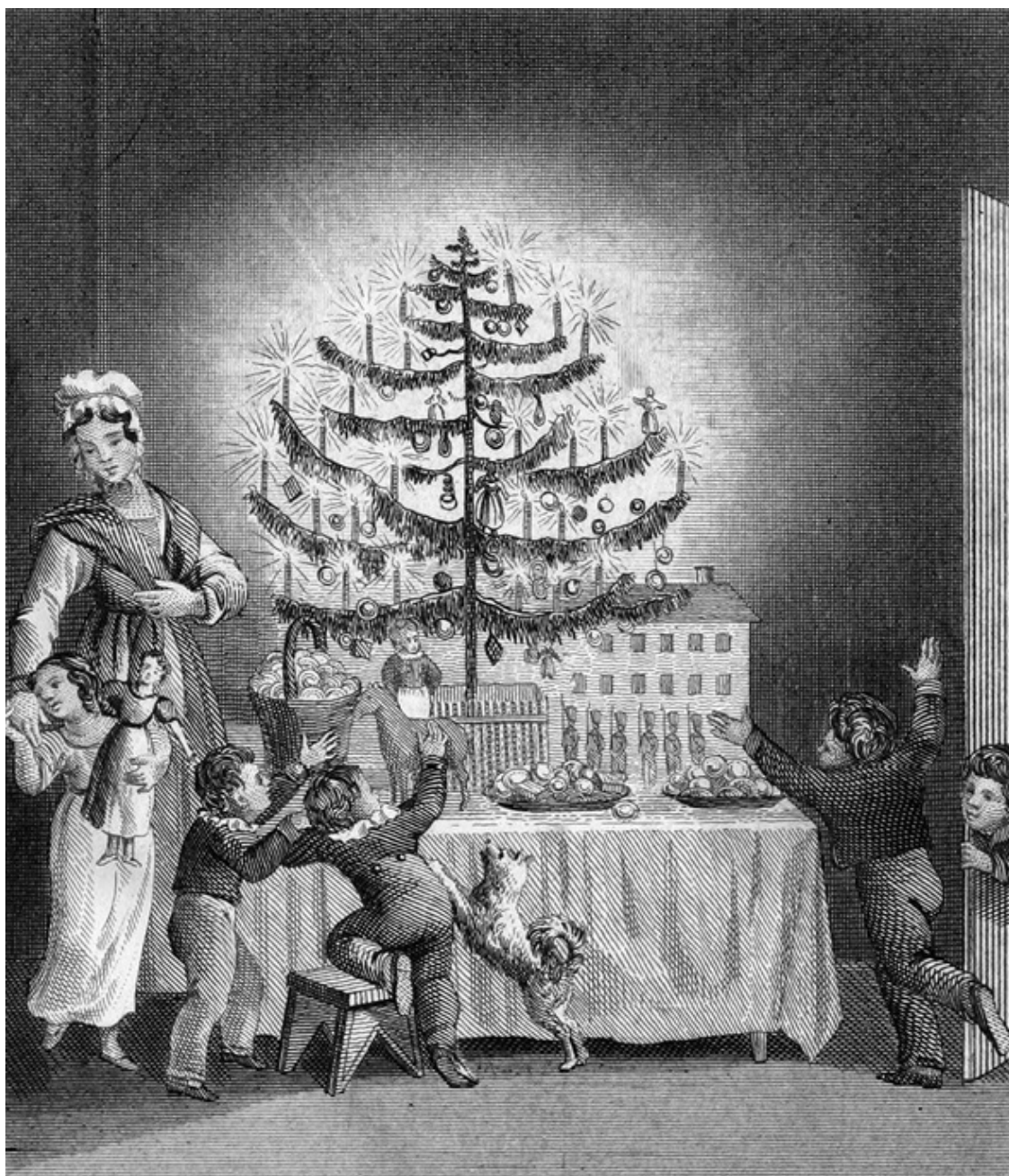
газеты «News» за 1848 год была помещена иллюстрация, на которой изображалась королевская семья, собравшаяся у рождественского дерева, и было дано подробное описание молодой елки высотой около восьми футов с прикрепленными к ее ветвям восковыми свечами и маленькими корзиночками (бонбоньерками), наполненными бонбонами (конфетами) и другими сладостями. На вершине дерева была установлена маленькая фигурка ангела с распростертыми крыльями и с венками в обеих руках [542: 75].

Чарльз Диккенс в очерке 1830 года «Рождественский обед», описывая английское Рождество, о елке еще не упоминает, а пишет о традиционной для Англии ветке омелы, под которой мальчики целуют своих кузин, а также о ветке остролистника, красующейся на вершине гигантского пудинга [119: I, 298]. Однако в очерке «Рождественская елка», написанном в начале 1850-х годов, писатель уже с энтузиазмом приветствует новый обычай:

Сегодня вечером я наблюдал за веселой гурьбою детей, собравшихся вокруг рождественской елки – милая немецкая затея! Елка была установлена посередине большого круглого стола и поднималась высоко над их головами. Она ярко светилась множеством маленьких свечек и вся кругом искрилась и сверкала блестящими вещицами. <...> Вокруг елки теперь расцветает яркое веселье – пение, танцы, всякие затеи. Привет им. Привет невинному веселью под ветвями рождественской елки, которые никогда не бросят мрачной тени! [119: XIX, 393, 411]

В период Второй мировой войны в Англию, где в то время находились норвежский король и правительство, из оккупированной Норвегии была привезена контрабандой огромная ель, которую установили на Трафальгарской площади. С этих пор Осло ежегодно дарит британской столице точно такое же дерево, и оно, увешанное елочными игрушками и разноцветными электрическими лампочками, устанавливается на той же самой площади [см.: 534: 17; 181: 94].

Как можно заметить, большинство народов Западной Европы начало активно усваивать традицию рождественского дерева только к середине XIX столетия. Ель постепенно становилась существенной и неотъемлемой частью семейного праздника Рождества, хотя память о ее немецком происхождении сохранялась многие годы. В Европе она была принята и церковью, пользуясь особенным почетом в лютеранских кирхах, где ее возжигают во время рождественского богослужения [см.: 360: 56].

Первое изображение рождественского дерева, напечатанное в США. Фронтиспис подарочной книги «Stranger's Gift», написанной немецким эмигрантом Г. Бокумом (1836). Библиотека Конгресса США

В Америку рождественское дерево пришло примерно в то же самое время, когда оно появилось в Англии. Этот обычай, по всей видимости, осваивался в разных штатах почти одновременно, но везде инициаторами были немецкие эмигранты. По одним данным, его завезли еще наемники, принимавшие участие в Войне за независимость, по другим – первая елка была установлена в Техасе [550: 18], по третьим – это новшество было введено жителем городка Вустер (Огайо) Августом Имгартом, который был родом из Германии. Однажды в его доме на Рождество было установлено еловое дерево (spruce), освещенное свечами и украшенное цветными бумажками. Жителям Вустера, который в то время был небольшой деревушкой, захотелось посмотреть на эту диковинку. При виде сияющего дерева они пришли в такой восторг,

что на следующий год такие же наряженные елки уже стояли во многих домах, а вскоре обычай стал популярным и в других городах Среднего Запада.

С 1851 года в Америке рождественское дерево стали устанавливать и в церквях. Инициатором этого новшества стал пастор лютеранской церкви из города Кливленда (Огайо). С первых же лет своего пасторства он организовал в своей церкви празднование Рождества с рождественским деревом, украшенным позолотой, блестками, свечами, яблоками и конфетами. Жители города устроили прихожанам этой церкви бойкот, обвиняя их в поклонении дереву. Распространялись слухи, что хозяева предприятий угрожали увольнением всем, кто еще когда-нибудь примет участие в подобном праздновании Рождества. Однако и на следующий год прихожане той же самой церкви снова любовались украшенной и светящейся елкой. По всей округе распространялись рассказы об этом новшестве, и обычай вошел в моду. Чтобы как-то его оправдать, стали говорить, что рождественское дерево смягчает Божий гнев, и с каждым Новым годом его образ становился все более осмысленным для жителей Кливленда. Постепенно начали признавать, что в новом обычае нет ничего недостойного: ведь дерево не превращалось в главный объект праздника, а было всего лишь символом Спасителя, настоящим древом жизни; свечи представляли того, кто есть Свет Мира, а рождественские подарки считались самыми великолепными из всех даров Бога людям. Поэтому устройство елки рассматривалось теперь как истинно христианское дело, свершаемое в память об искупительном рождении Младенца Иисуса.

Вскоре желание устанавливать рождественское дерево охватило и восточные штаты Америки, а к середине века ель становится обычным товаром рождественского рынка. Перед Рождеством 1848 года на улицах Нью-Йорка появился первый фермер, продающий елки. Так было положено начало елочной коммерции, получившей впоследствии в США широчайший размах. На сотнях елочных плантаций стали выращивать деревья для рождественских праздников. В 1852 году первая рождественская елка была установлена в Белом доме [см.: 543: 105].

К 1891 году обычай, распространившийся по всем Штатам, стал столь всеобщим, что президент Бенджамин Гаррисон назвал его старинным. Согласно отчету корреспондента одной из газет, Гаррисон, обращаясь к согражданам накануне Нового года, сказал:

Рождество – самый священный религиозный праздник года, и по всей земле он должен быть праздником всеобщей радости – от самого простого жителя и до самого крупного чиновника... Мы намереваемся сделать его в Белом доме днем счастья – все члены моей семьи, представляющей четыре поколения, соберутся вместе за большим столом в гостиной для торжественных обедов, чтобы принять участие в старинной рождественской трапезе... У всех нас должно стоять старинное рождественское дерево, устроенное для наших внуков, а для своих внуков я сам буду Санта-Клаусом [546: 47; 532: 56].

После изобретения электрической лампочки в США трудно было найти город, на площади которого на праздник не устанавливали хотя бы одно освещенное дерево. В настоящее время в Америке Рождество играет громадную роль, и рождественское дерево устанавливается почти в каждом доме.

Столь массовое распространение обычая по всему христианскому миру требует объяснения. Почему именно ель приобрела такую популярность? Почему она оказалась связанной с Новым годом или Рождеством? В Северном полушарии рождественские праздники приходятся на зиму, когда лиственные деревья стоят обнаженными и, конечно, не могут использоваться в качестве символа и важнейшего атрибута зимнего праздника. Поэтому естественно, что таким символом стало вечнозеленое хвойное дерево, причем не только ель, но и сосна, и кедр, и пихта, и можжевельник. Однако елка, в отличие от других хвойных деревьев, обла-

дает правильной пирамидальной формой; ее устремленный кверху прямой ствол, а также симметричное расположение ветвей придают ей очертания католических и лютеранских храмов. Очевидно, именно благодаря своей форме ель и затмила другие хвойные деревья.

«Родины нашей питомица скромная» *Елка в русской народной традиции*

*Употребление ели весьма разнообразно...
Д. М. Кайгородов. Беседы о русском лесе*

*— Ну, пошел же, ради бога! —
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...*

Н. А. Некрасов. Школьник

Являясь, подобно березе, одним из самых распространенных деревьев средних и северных широт России, ель издавна использовалась в хозяйстве. Ее древесина служила топливом, употреблялась в строительстве, хотя и считалась материалом не самого высокого качества, что нашло отражение в поговорке: «Ельник, березник чем не дрова? Хрен да капуста чем не еда?» [113: I, 519]. Упоминания о ели в древнерусских источниках (где она называется *елие*, *елье*, *елина*, *елинка*, *елица*) носят, как правило, чисто деловой характер: «дровяной ельник», «еловец» (строевой еловый лес) и т. п. В образе ели люди Древней Руси не видели ничего поэтического: еловый лес («елняк большой глухой») из-за своей темноты и сырости отнюдь не радовал глаз. В одном из текстов XVI века написано: «На той де земле мох и кочки, и мокрые места, и лес старинной всякой: березник, и осинник, и ельник» [416: 49]. Произрастая по преимуществу в сырых и болотистых местах, называвшихся в ряде губерний «елками», это дерево с темно-зеленой колючей хвоей, неприятным на ощупь, шероховатым и часто сырым стволом (с которым иногда сравнивалась кожа Бабы-Яги [78: 574]) не пользовалось особой любовью. Вплоть до конца XIX века без симпатии изображалась ель (как, впрочем, и другие хвойные деревья) и в русской поэзии, как, например, у Ф. И. Тютчева:

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть век не желтеет,
Но век не свежа. [465: 40]

А поэт и прозаик рубежа XIX и XX веков А. Н. Будищев писал:

Сосны и мшистые ели,
Белые ночи и мрак.
Злобно под пенье метели
Воет пустынный овраг. [63: 149]

В отличие от лиственных деревьев хвойные, по мнению А. А. Фета, «порú зимы напоминают», не ждут «весны и возрожденья»; они «останутся холодной красой / Пугать иные поколения» [472: 183]. Лев Толстой в «Войне и мире», описывая первую встречу Андрея Болкон-

ского с дубом, также пишет о том неприятном впечатлении, которое «задавленные мертвые ели» производят на героя: «Рассыпанные кое-где по березнику мелкие ели своей грубой вечной зеленью неприятно напоминали о зиме» [452: V, 161]. Отрицательное отношение к ели, ощущение ее как враждебной человеку силы встречается иногда и у современных поэтов, как, например, в стихотворении Татьяны Смертиной 1996 года:

Обступили избу ели,
Вертят юбками метели,
Ветер плетью бьет наотмашь...
Ты прийти ко мне не можешь! [420: 5]

А Иосиф Бродский, передавая свои ощущения от северного пейзажа (места своей ссылки – деревни Норенской Архангельской области), замечает: «Прежде всего, специфическая растительность. Она, в принципе, непривлекательна – все эти елочки, болотца. Человеку там делать нечего ни в качестве движущегося тела в пейзаже, ни в качестве зрителя. Потому что чего же он там увидит?» [82: 83].

Деталь лубочной картинки «Изображение Сатира, показывавшегося в Испании в 1760 году», конец XVIII в. // Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Атлас. Т. 1. СПб., 1881. № 376. Нью-Йоркская публичная библиотека

Анализируя растительные символы русского народного праздничного обряда, В. Я. Пропп делает попытку объяснить причину исконного равнодушия, пренебрежения и даже неприязни русских к хвойным деревьям, в том числе к ели: «Темная буроватая ель и сосна в русском фольклоре не пользуются особым почетом, может быть, и потому, что огромные пространства наших степей и лесостепей их не знают» [360: 56].

В русской народной культуре ель оказалась наделенной сложным комплексом символических значений, которые во многом явились следствием эмоционального ее восприятия. Внешние свойства ели и места ее произрастания, видимо, обусловили связь этого дерева с образами низшей мифологии (чертями, лешими и прочей лесной нечистью), что нашло отражение, в частности, в известной пословице: «Венчали вокруг ели, а черти пели», указывающей

на родство образа ели с нечистой силой (ср. у Федора Сологуба в стихотворении 1907 года «Чертовы качели»:

В тени косматой ели
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой. [430: 347])

Слово «ёлс» стало одним из имен лешего, черта: «А коего тебе ёлса надо?», а «еловой головой» принято называть глупого и бестолкового человека.

Ель традиционно считалась у русских деревом смерти, о чем сохранилось множество свидетельств. Существовал обычай удавившихся и вообще самоубийц зарывать между двумя елками, поворачивая их ничком [см.: 160: 91; 357: 312]. В некоторых местах был распространён запрет на посадку ели около дома из опасения смерти мужского члена семьи [см.: 453: 18–19]. Из ели, как и из осины, запрещалось строить дома [см.: 159: 13]. Еловые ветви использовались и до сих пор широко используются во время похорон. Их кладут на пол в помещении, где лежит покойник. Вспомним хотя бы «Пиковую даму» Пушкина: «...Германн решился подойти ко гробу. Он поклонился в землю и несколько минут лежал на холодном полу, усыпанном ельником» [364: V, 348]. Еловыми ветвями часто выстилают путь похоронной процессии:

Ельник насыпан с утра по дороге.
Верно, кого-то везут на покой! [285: 830]
...темный, обильно разбросанный ельник
Вдоль по унылой дороге, под тяжестью дрог молчаливых... [419: 1]

Веточки ели бросают в яму на гроб, а могилу принято прикрывать на зиму еловыми лапами. «Связь ели с темой смерти, – как пишет Т. А. Агапкина, – заметна и в русских свадебных песнях, где ель – частый символ невесты-сироты» [4: 5]. Ср. также в фольклоре остарбайтеров – советских людей, угнанных на работу в Германию во время Второй мировой войны:

Может быть под елкою густою
Я родимый дом себе найду,
Распрашаюсь с горькою судьбой
И к вам я, может, больше не прийду. [356: 87]

Время возникновения (или же усвоения от южных славян) обычая устилать дорогу, по которой несут на кладбище покойника, хвойными ветками неизвестно [см.: 152: 94], хотя упоминания о нем встречаются уже в памятниках древнерусской письменности: «И тако Соломон нача работати на дворе: двор мечь и песком усыпает и ельником устилает везде и по переходам такожде» («Повести о Соломоне», XVI–XVII вв. [цит. по: 416: 49]).

На православных кладбищах долгое время сажать елки возле могил было не принято. Однако в середине XIX века это уже случалось. Вспомним описание Тургеневым могилы Базарова: «две молодые елки посажены по обоим ее концам» [464: VIII, 188].

Смертная символика ели была усвоена и получила широкое распространение при советской власти. Ель стала характерной деталью официальных могильников, прежде всего Мавзолея Ленина, около которого были посажены серебристые норвежские ели:

Ели наклоняются старея,
Над гранитом гулким мавзолея... [509: 603]

Впоследствии эти ели стали соотноситься с кремлевскими новогодними елками, как, например, в стихотворении Якова Хелемского 1954 года:

Сединою тронутые ели,
У Кремля равняющие строй,
В этот снежный полдень, молодея,
Новой восхищаются сестрой. [487: 1]

«Новая сестра» – это елка в Большом Кремлевском дворце, главная елка Страны Советов. Два противоположных символических значения ели (исконно русский и усвоенный с Запада) здесь вдруг соединились, создав новое символическое значение: преемственность ленинских идей в празднике советской детворы. Судя по той роли, которую еловая хвоя стала играть в советской официальной жизни, видимо, можно говорить об особом пристрастии Сталина к этому дереву. Его дочь, Светлана Сталина (Аллилуева), вспоминая свое детство 1930-х годов, пишет о том, как на одной из сталинских дач, в Зубалове, вдруг вырубил огромные старые кусты сирени, «которые цвели возле террасы как два огромных благоухающих стога», и начали сажать елки: «...смотришь, везде понатыкано елок... Но здесь было сухо, почва песчаная, вскоре елки все посохли. Вот мы радовались-то!» [10: 113].

Смертная символика ели нашла отражение в пословицах, поговорках, фразеологизмах: «смотреть под елку» – тяжело болеть; «угодить под елку» – умереть; «еловая деревня», «еловая домовина» – гроб; «пойти или прогуляться по еловой дорожке» – умереть [415: 343–344] и др. Звуковая переключка спровоцировала сближение слова «елка» с рядом нецензурных слов, что также повлияло на восприятие русскими этого дерева. Характерны и «елочные» эвфемизмы, широко употребительные в наши дни: «елки-палки», «елки-моталки» и т. п.

В настоящее время связь ели с темой самоубийства или насильственной смерти утратилась, и она превратилась в один из символов вечной памяти и вечной жизни: теперь елочки часто можно увидеть на многих русских кладбищах, в том числе и заграничных: «Сегодня я зажгла свечи на небольшой елочке на кладбище. У меня дома в этом году елки не будет. Для кого ее украшать?» – записывает пожилая эмигрантка в своем дневнике [411: 25].

Считаясь смертным деревом, ель наряду с этим в некоторых местах использовалась в качестве оберега (как и репей), видимо, из-за колючести ее хвои [см.: 4: 5]. На севере, в районе Тотмы, при закладке двора в середине его ставили елку [см.: 159: 50–51]. Вечнозеленый покров ели нашел отражение в ряде загадок: «Зимой и летом одним цветом»; «Осенью не увядаю, зимой не умираю»; «Это ты, дерево! И зиму и лето зелено»; «Что летом и зимой в рубашке одной» [153: 64]. Тот же вечнозеленый покров послужил основанием для использования елки на свадьбах в качестве символа вечной молодости: «...в Ярославской губернии, когда девушки идут к невесте на девичник, то одна несет впереди елку, украшенную цветами и называемую девья краса» [507: 14].

Весь этот сложный и противоречивый смысловой комплекс, закрепленный за елью в русском сознании, не давал, казалось бы, оснований для возникновения ее культа – превращения ее в объект почитания. Но тем не менее это произошло. Автор книги о русском лесе Д. М. Кайгородов писал в 1880 году:

...выросшая на свободе, покрытая сверху донизу зелеными, густоветвистыми сучьями, ель представляет из себя настоящую зеленую пирамиду, и по своеобразной, стройной красоте своей есть несомненно одно из красивейших наших деревьев [174: 100].

В. В. Иофе, исследуя «литературную флору» русской поэзии XIX–XX веков и говоря о «нестабильности ботанического инвентаря», отметил начавшуюся с конца XIX века возрастающую популярность ели: «...ель и сосна, аутсайдеры XIX века, нынче становятся все более и более популярными» [171: 247]. Эти и многие другие отзывы о еловом дереве конца XIX–XX века являются свидетельством того, что к этому времени в сознании русских оно приобрело положительные коннотации, прочно соединившись с символикой рождественского дерева.

Петровский указ 1699 года и его последствия

В России обычай новогодней елки ведет свое начало с Петровской эпохи. Мнение о том, что елка как новогодний символ «первоначально сделалась известною в Москве с половины XVII века» и устраивалась в Немецкой слободе, где с ней познакомился юный царь Петр и откуда она была «перевезена» в Петербург [446: 87], похоже, не имеет под собой никакой реальной почвы. Лишь по возвращении домой после своего первого путешествия в Европу (1698–1699) Петр I «устраивает, – по словам А. М. Панченко, – экстралегальный переворот, вплоть до перемены календаря» [320: 11]. Согласно царскому указу от 20 декабря 1699 года, впредь предписывалось вести летоисчисление не от Сотворения мира, но от Рождества Христова, а день «новолетия», до того времени отмечавшийся на Руси 1 сентября, «по примеру всех христианских народов» перенести на 1 января. В этом указе давались также рекомендации по организации новогоднего праздника. В его ознаменовании в день Нового года было велено пускать ракеты, зажигать огни и украсить столицу (тогда еще Москву) хвоей:

По большим улицам, у нарочитых домов, пред воротами поставить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевелевых против образцов, каковы сделаны на Гостином дворе.

А «людям скудным» предлагалось

каждому хотя по древцу или ветве на ворота или над храминою своей поставить... а стоять тому украшению января в первый день [470: 349; 278: 5; 344: 37].

Эта малозаметная в эпоху бурных событий деталь и явилась в России началом трехвековой истории обычая устанавливать елку на зимних праздниках.

Однако к будущей рождественской елке указ Петра имел косвенное отношение. Во-первых, город декорировался не только еловыми, но и другими хвойными деревьями; во-вторых, в указе рекомендовалось использовать как целые деревья, так и ветви, и наконец, в-третьих, украшения из хвои предписано было устанавливать не в помещении, но снаружи: на воротах, крышах трактиров, улицах и дорогах. Тем самым елка превращалась в деталь новогоднего городского пейзажа, а не рождественского интерьера, чем она стала впоследствии. Текст царского указа свидетельствует о том, что для Петра во вводимом им обычае, с которым он познакомился, конечно же, во время путешествия по Европе, важной была как эстетическая сторона (дома и улицы велено было *украшать* хвоей), так и символическая: декорации из хвои следовало создавать в *ознаменовании* Нового года.

Петровский указ от 20 декабря 1699 года является едва ли не единственным документом, относящимся к истории елки в России XVIII века. После смерти Петра, судя по всему, его рекомендации были основательно забыты, но в одном отношении они имели довольно забавные последствия, добавив к символике ели новые оттенки. Царские предписания сохранились лишь в новогоднем убранстве питейных заведений, крыши и ворота которых перед Новым годом продолжали украшать елками. По этим елкам (привязанным к колу, установленным на крышах или же воткнутым у ворот) опознавались кабаки. Деревья стояли там до следующего года, накануне которого старые елки заменяли новыми. Возникнув в результате петровского указа, этот обычай поддерживался в течение XVIII и XIX веков. Пушкин в «Истории села Горюхина» упоминает «древнее общественное здание (то есть кабак. – Е. Д.), украшенное елкою и изображением двуглавого орла» [364: V, 189]. Эта характерная деталь была хорошо известна и время от времени отражалась в литературных произведениях. Д. В. Григорович,

например, в повести 1847 года «Антон-Горемыка», рассказывая о встрече своего героя по дороге в город с двумя портными, замечает:

Вскоре все три путника достигли высокой избы, осененной елкой и скворешницей, стоявшей на окраине дороги при повороте на проселок, и остановились [107: 170].

Иногда же вместо елки на крышах кабаков ставились сосенки: «Здание кабака... состояло из старинной двухэтажной избы с высокой кровлей... На верхушке ее торчала откосо рыжая иссохшая сосенка; худощавые, иссохшие ветви ее, казалось, звали на помощь» [107: 234]. Эта характерная деталь нашла отражение и в стихотворении М. Л. Михайлова 1848 года «Кабак»:

У двери скрипучей
Красуется елка...
За дверью той речи
Не знают умолка.
.....
К той елке зеленой
Своротит детина...
Как выпита чарка —
Пропала кручина! [272: 67–68]

А в стихотворении Н. П. Кильберга 1872 года «Елка» кучер искренне удивляется тому, что барин по вбитой у дверей избы елке не может признать в ней питейного заведения:

Въехали!.. мчимся в деревне стрелой,
Вдруг стали кони пред грязной избой,
Где у дверей вбита елка...
Что это?.. – Экой ты, барин, чудак,
Разве не знаешь?.. Ведь это кабак!.. [286: 830]

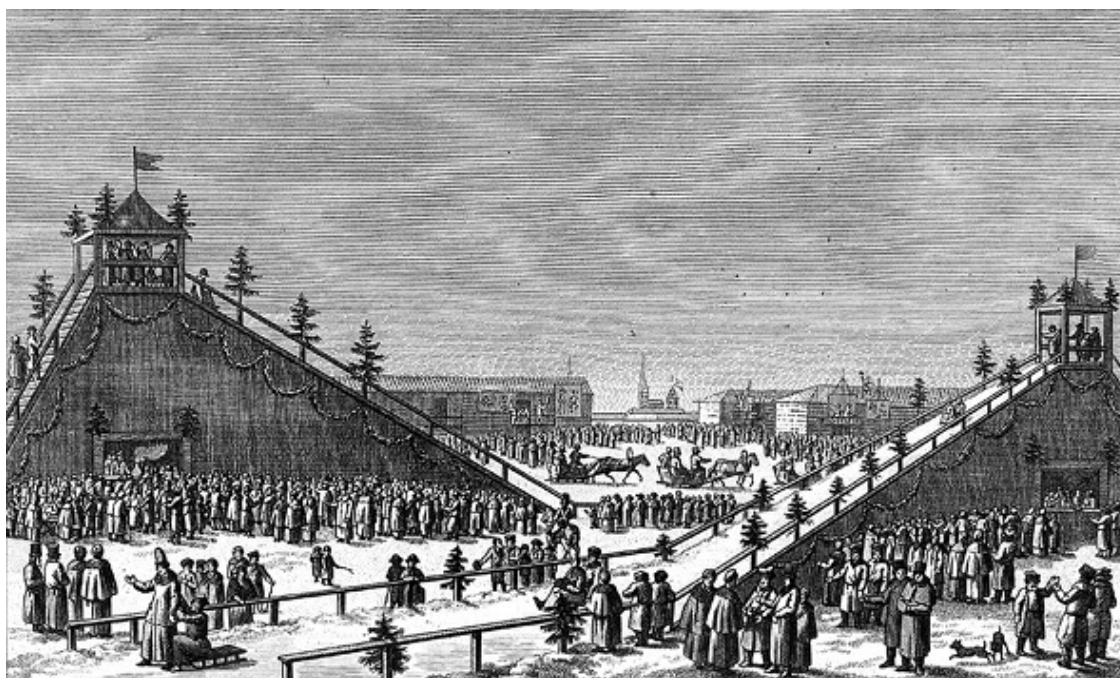
В результате кабаки стали называть в народе «елками» или же «Иванами-елкиными»: «Пойдем-ка к елкину, для праздника выпьем»; «Видно, у Ивана елкина была в гостях, что из стороны в сторону пошатываешься» (ср. также поговорку: «елка (то есть кабак. – Е. Д.) чище метлы дом подметает»). Ввиду же склонности к замене «алкогольной» лексики эвфемизмами практически весь комплекс «алкогольных» понятий постепенно приобрел «елочные» дуплеты: «елку поднять» – пьянствовать, «идти под елку» или «елка упала, пойдем поднимать» – идти в кабак, «быть под елкой» – находиться в кабаке, «елкин» – состояние алкогольного опьянения и т. п. [415: 343–344]. Эта возникшая связь елки с темой пьянства органично вписалась в прежнюю семантику ели, соединяющую ее с нижним миром.

На протяжении всего XVIII века нигде, кроме питейных заведений, ель в качестве элемента новогоднего или святочного декора больше не фигурирует: ее образ отсутствует в новогодних фейерверках и «иллюминациях», столь характерных для «века Просвещения» и представлявших собою достаточно сложные символические комбинации; не упоминается она при описании святочных маскарадов при дворе. И, конечно же, нет ее на народных святочных игрищах. В рассказах о новогодних и святочных празднествах, проводившихся в этот период русской истории, никогда не указывается на присутствие в помещении ели. Поэтому и иллюстрация в одном из рождественских номеров журнала «Нива» за 1889 год «Празднование святок в 1789 году», на которой изображена «святочная сцена» в состоятельном доме, где в углу залы стоит большая разукрашенная ель, могла появиться только по причине неосведомленности как

художника, так и издателей этого еженедельника в истории русской елки. Впрочем, эта ошибка повторялась не раз. К гравюре по картине Э. Вагнера 1881 года «Рождественская елка сто лет назад» в том же журнале дано объяснение:

На картине изображена семейная сцена «Елка в XVIII веке в богатом доме». Елка готова. Пудренный лакей зажигает последние свечки, мать семейства звонит в колокольчик, давая этим знать, что можно входить, отец наблюдает с своего кресла, какое впечатление произвели на детей блестящие игрушки. Дети поражены, даже самый маленький хлопает в ладошки на руках у няни; второй, постарше, держась за руку молоденькой сестры, сдержаннее выражает свой восторг, а средний – буян, прямо несется к киверу, сабле и барабану, которые так заманчиво красуются, блестя при огнях на стуле около елки [287: 1174].

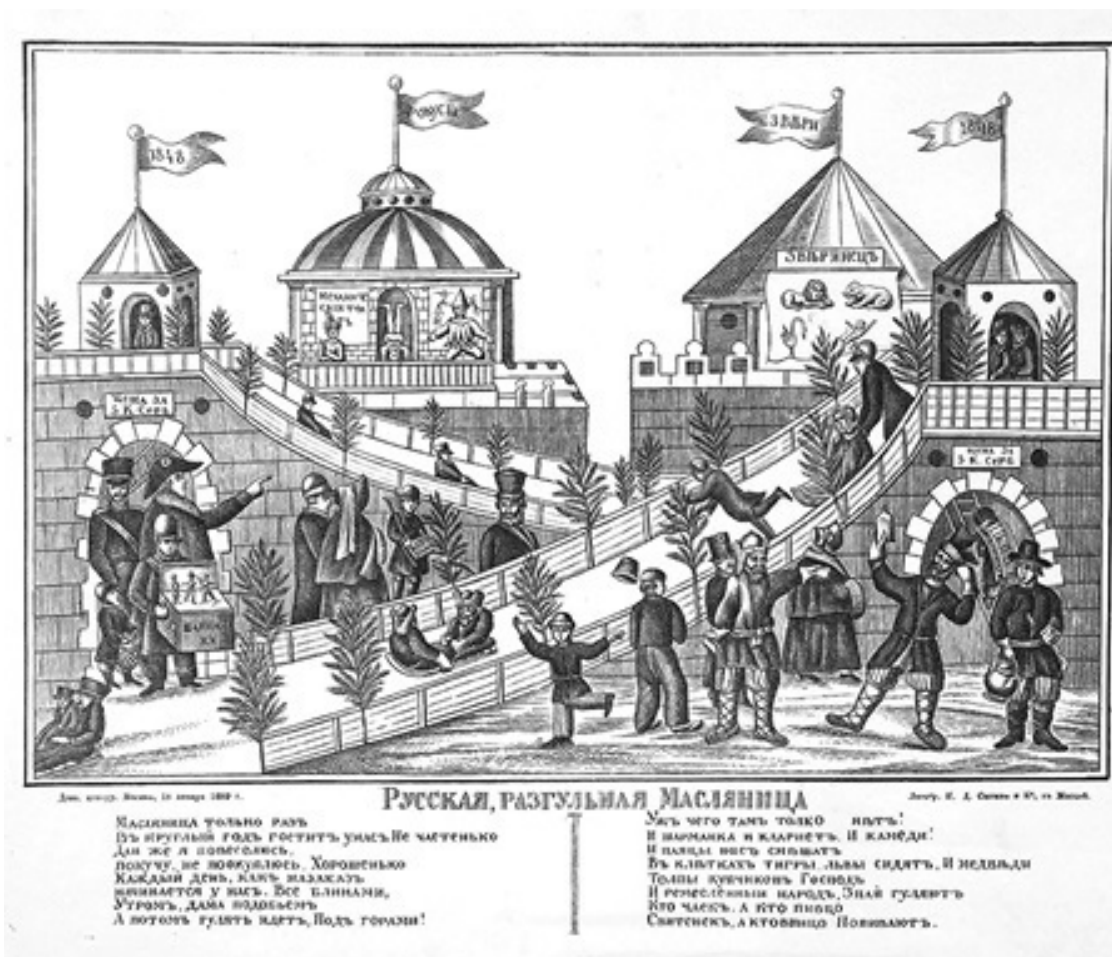
Подобная сцена для конца XVIII века просто немыслима.

Ледяные горы. Литография С. Ф. Галактионова по рис. П. П. Свинына // Свинын П. П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. 1. СПб., 1816. Российская государственная библиотека

Помимо внешнего убранства питейных заведений в XVIII веке и на протяжении всего следующего столетия, елки использовались еще и на катальных (или, как еще говорили, скатных) горках. На гравюрах и лубочных картинках XVIII и XIX веков, изображающих катание с гор на праздниках (Святках и Масленице) в Петербурге, Москве и других городах, можно увидеть небольшие елочки, установленные по краям горок. На гравюре 1792 года Д. А. Аткинсона (жившего в России с 1784 по 1801 год) «Катание с гор на Неве» еловые деревца расставлены по всему скату горки и по ее бокам. На рисунках и гравюрах XVIII–XIX веков украшения из елочек в местах зимних городских увеселений встречаются постоянно. На анонимной гравюре конца XIX века «Катание на чухнах» елочные ветки разбросаны по поверхности замерзшей Невы. На рисунках А. Бальдингера (гравюра К. Крыжановского) «Катание на льду на Екатерининском канале в Петербурге» и «Ледяные горы» (1879) всюду – на горках, на подъеме и на их скатах – изображены небольшие воткнутые в снег еловые деревца. Устанавливались елочки

и возле традиционных праздничных балаганов на Семеновском плацу, как это изображено на одной из гравюр 1890-х годов. В Петербурге елками принято было также обозначать пути санных перевозов через Неву: «В снежные валы, – пишет Л. В. Успенский о Петербурге конца XIX – начала XX века, – втыкались веселые мохнатые елки» и по этой дорожке «дюжие молодцы на коньках» перевозили санки с седоками [468: 165–166]. Все перечисленные примеры к обычаю рождественского дерева не имеют никакого отношения, однако сам факт украшения зимнего города вечнозеленой хвоей свидетельствует о том, как постепенно готовилась почва для превращения елки в символический объект зимних праздников.

Ледяные горы. Лубок «Русская разгульная масляница». М.: Лит. И. Д. Сытина, 1889. Российская государственная библиотека

«Мы переняли у добрых немцев детский праздник» Рождественское дерево в России первой половины XIX века

С елкой как с «ритуальным атрибутом рождественской обрядности» [71: 47] мы встречаемся в России лишь в начале XIX столетия. На этот раз встреча с елкой состоится уже не в Москве, а в Северной столице. Приток немцев в Петербург, где их было много с самого его основания, продолжался и в эти годы. Вполне естественно, что выходцы из Германии привозили с собой усвоенные на родине привычки, обычаи и ритуалы, которые они тщательно сохраняли и поддерживали на новом месте жительства. Поэтому неудивительно, что на территории России первые рождественские елки появились именно в домах петербургских немцев. В русской печати первых десятилетий XIX столетия об этом обычае сообщалось с подробностями, характерными для описания особенностей чужой культуры. А. А. Бестужев-Марлинский в повести «Испытание» (1831), изображая Святки в Петербурге 1820-х годов, пишет:

У немцев, составляющих едва ли не треть петербургского населения, канун Рождества есть детский праздник. На столе, в углу залы, возвышается деревцо... Дети с любопытством заглядывают туда.

И далее:

Наконец наступает вожделенный час вечера, – все семейство собирается вместе. Глава оного торжества срывает покрывало, и глазам восхищенных детей предстает Weihnachtsbaum в полном величии... [47: 33]⁴.

Считается, что первое рождественское дерево в императорской фамилии было установлено 24 декабря 1817 года в Москве, в Кремле (где царская семья проводила зиму). Инициатива принадлежала великой княгине Александре Федоровне (дочери прусского короля Фридриха-Вильгельма III), выросшей в Берлине. На следующий год елка уже стояла в их собственном Аничковом дворце, а после коронации Николая Павловича и Александры Федоровны елки в царской семье стали проводиться ежегодно в Зимнем дворце. На Рождество 1828 года Александра Федоровна устроила первый детский праздник с елкой в Большой столовой дворца. На ней присутствовали пятеро ее детей и племянницы – дочери великого князя Михаила Павловича. На праздник были приглашены и дети придворных из ряда семейств. На восьми столах (по числу детей) стояли елочки, украшенные конфетами, золочеными яблоками и орехами. Под ними были разложены подарки [см.: 409: 116–120].

Впоследствии этот обычай повторялся ежегодно. Вот как рассказывает об этих праздниках фрейлина высочайшего двора Мария Фредерикс (1832–1897):

Накануне Рождества Христова, в сочельник, после всенощной, у императрицы была всегда елка для августейших детей, и вся свита приглашалась на этот семейный праздник. Государь и царские дети имели каждый свой стол с елкой, убранной разными подарками, а когда кончалась раздача подарков самой императрицей, тогда входили в другую залу, где был приготовлен большой длинный стол, украшенный разными фарфоровыми изящными вещами с Императорской Александровской мануфактуры. Тут

⁴ Сохранились сведения (хотя и чрезвычайно редкие) об устройстве елок в русских дворянских семьях в самом начале XIX века. Так, по воспоминаниям современника, дед М. Ю. Лермонтова Михаил Васильевич 2 января 1802 года организовал в Тарханах для своей дочери Машеньки маскарад с елкой [см.: 517: 55].

разыгрывалась лотерея вместе со всей свитой, государь обыкновенно выкрикивал карту, выигравший подходил к ее величеству и получал свой выигрыш-подарок из ее рук. <...> С тех пор, как я себя помню, с моих самых юных лет, я всегда присутствовала на этой елке и имела тоже свой стол, свою елку и свои подарки – книги, платье, серебро, позже – бриллианты и т. п. <...> Елку со всеми подарками мне потом привозили домой, и я долго потешалась и угощалась с нее [443: 286–287].

Из императорской семьи и немецких домов столицы обычай устраивать праздник елки перешел сначала в подведомственные императрице учебные заведения, а затем стал осваиваться и дворянскими семьями, о чем мы все чаще и чаще читаем в документах того времени. Так, известно, что на Рождество 1828 года, будучи на лечении в Италии, устроила своим детям елку Александра Воейкова (Светлана В. А. Жуковского), через месяц с небольшим умершая от чахотки. Об этом мы узнаем из письма лечившего ее К. К. Зейдлица к мужу ее сестры Маши А. Ф. Мойеру:

Накануне Нового года здешнего стилия она велела приготовить для детей Рождественскую елку. Все, кого она любила, нашли там себе подарки. Она предчувствовала, что в последний раз проводит этот день между своими; она была радостна, молчалива, говорила мало, почти только о прошедшем, как будто переживала вновь содержание всей протекшей жизни [428: 174].

Сохранилась адресованная Пушкину записка Жуковского, написанная не позднее 24 декабря 1836 года, содержащая такие слова: «В субботу будет ёлочка» (впервые опубликована П. И. Бартеневым в 1889 году [379: 123]). Неизвестно, был ли Пушкин на этой елочке у Жуковского; по крайней мере, в его текстах рождественская елка никогда не упоминается.

Судя по многочисленным описаниям святочных празднеств в журналах 1820–1830-х годов, в эту пору рождественское дерево в русских домах было еще большой редкостью. Святки, святочные маскарады и балы в литературе и в журналах описываются постоянно: святочные гаданья даны в балладе Жуковского «Светлана» (1812), Святки в помещицьем доме изображены Пушкиным в главе V «Евгения Онегина» (1825), в Рождественский сочельник происходит действие поэмы Пушкина «Домик в Коломне» (1828), к Святкам (зимним праздникам) приурочена драма Лермонтова «Маскарад» (1835): «Ведь нынче праздники и, верно, маскарад» [235: 257]. Подобные примеры могут быть умножены. Однако ни в одном из этих произведений о елке не говорится ни слова.

В новогодних номерах журналов, регулярно помещавших очерки о праздничных мероприятиях, проводившихся в Петербурге и Москве («Молва», «Вестник Европы», «Московский телеграф» и др.), детально описывались святочные балы и маскарады в дворянских собраниях, театрах и дворцах – с изображением присутствовавших там людей, костюмов, убранства залы, еды, праздничного сценария, танцев, а порою и случавшихся разного рода скандальных и пикантных происшествий. Однако ни в 1820-х, ни в 1830-х годах в них никогда не упоминалось о наличии в помещениях рождественского дерева [см., например: 531: 20 и мн. др.]. Отсутствуют упоминания о елке и в так называемых этнографических повестях (Н. Полевого, М. Погодина, О. Сомова и др.). Авторы этих повестей, с неприязнью отзывавшиеся о городских нововведениях в ритуал зимних праздников, противопоставляли городские Святки «естественному» веселью старинных народных святок. Они бы не преминули упомянуть и елку, если бы она была уже им известна [362: 3–24].

Издававшаяся Ф. Б. Булгариным газета «Северная пчела», которая всегда чутко реагировала на новые явления российской жизни, только-только начинавшие входить в моду, регулярно печатала отчеты о прошедших праздниках, о выпущенных к Рождеству книжках для детей, о подарках на Рождество и т. д. Елка не упоминается в ней вплоть до рубежа 1830–

1840-х годов. Но начиная с этого времени «елочная» тема буквально не сходит со страниц предпраздничных выпусков этой газеты: в поле зрения оказываются подробности, касающиеся как устройства самого праздника в честь рождественского дерева, так и коммерческой стороны дела.

Первое упоминание о елке появилось в «Северной пчеле» накануне 1840 года: газета сообщала о продающихся «прелестно убранных и изукрашенных фонариками, гирляндами, венками» елках [298: 1]. Год спустя в том же издании появляется подробное описание входящего в моду обычая:

Мы переняли у добрых немцев детский праздник в канун праздника Рождества Христова: Weihnachtsbaum. Деревцо, освещенное фонариками или свечками, увешанное конфетами, плодами, игрушками, книгами, составляет отраду детей, которым прежде уже говорено было, что за хорошее поведение и прилежание в праздник появится внезапное награждение... [399: 1].

По характеру сообщения заметно, что к началу 1840-х годов обычай устанавливать на Рождество елку был знаком еще далеко не всем: «У нас входит в обыкновение праздновать канун Рождества Христова раздачею наград добрым детям, украшением заветной елки сладостями и игрушками» [400: 1]. Понимая, что становящееся модным новшество нуждается в объяснении, Булгарин сообщает своим читателям о его происхождении:

После уничтожения постов и католических обрядов в Германии обычай собираться вместе в доме старшего из родных также изменился, но каждая семья сохранила обычай дарить детей в вечер перед Рождеством: Weihnachtsabend – сделан детским праздником в Германии. Как на всем земном шаре нет города, нет страны, нет, так сказать, уголка, где бы не было водворенных немцев, и они везде обращают на себя внимание туземцев и покровительство правительства за свое трудолюбие и благонравие, то повсюду перенимают у них обычаи... и таким образом *детский праздник* введен повсюду [401: 1].

Елка долго еще воспринималась как специфическое «немецкое обыкновение». А. В. Терещенко, автор семитомной монографии «Быт русского народа» (1848), пишет: «В местах, где живут иностранцы, особенно в столице, вошла в обыкновение елка». Отстраненность, с которой дается им описание праздника, свидетельствует о новизне этого обычая:

Для праздника елки выбирают преимущественно дерево елку, от коей детское празднество получило наименование; ее обвешивают детскими игрушками, которые раздают им после забав. Богатые празднуют с изысканной прихотью [446: 86].

В 1842 году журнал для детей «Звездочка», издававшийся детской писательницей и переводчицей А. И. Ишимовой, сообщал своим читателям:

Теперь во многих домах русских принят обычай немецкий: накануне праздника, тихонько от детей, *приготавливают* елку; это значит: украшают это вечнозеленое деревцо как только возможно лучше, цветами и лентами, навешивают на ветки грецкие вызолоченные орехи, красненькие, самые красивые яблоки, кисти вкусного винограда и разного рода искусно сделанные конфеты. Все это освещается множеством разноцветных восковых свеч, прилепленных к веткам дерева, а иногда и разноцветными фонариками [158: 4–5].

В 1846 году в Петербурге вышла книга «Елка. Подарок на Рождество», подготовленная детской писательницей и педагогом А. М. Дараган. Книга эта представляет собой методическое руководство по домашнему обучению детей грамоте. Чтобы привлечь к нему внимание родителей, А. М. Дараган посвятила его «Августейшим детям Ее Императорского Высочества». Для середины 1840-х годов весьма показательным представляется и тот факт, что первая часть книги завершается данным детям обещанием, что в случае хорошей учебы они непременно получат на Рождество елку, после чего следует объяснение еще далеко не всем известного обычая:

Слушай со вниманием, что здесь сказано про елку. Зимой все деревья без листьев. Одна елка остается зелена. В праздник Рождества Христова умным, добрым, послушным детям дарят елку. На елку вешают конфеты, груши, яблоки, золоченые орехи, пряники и дарят все это добрым детям. Кругом елки будут гореть свечи голубые, красные, зеленые и белые. Под елкой на большом столе, накрытом белой скатертью, будут лежать разные игрушки: солдаты, барабан, лошадки для мальчиков; а для девочек коробка с кухонной посудой, рабочий ящик и кукла с настоящими волосами, в белом платье и с соломенной шляпой на голове. Прилежным детям, которые любят читать, подарят книгу с разными картинками. Смотрите, дети! Старайтесь заслужить такую прекрасную елку, вот как эта [137: 108–111].

Иллюстрация неизвестного художника к книге А. М. Дараган «Елка. Подарок на Рождество». СПб.: Тип. Journalde, 1846

В начале января 1842 года жена А. И. Герцена в письме к подруге описывает, как в их доме устраивалась елка для ее двухлетнего сына Саши. Это один из нечастых письменно зафиксированных в это время рассказов об устройстве елки в русском доме: «Весь декабрь я занималась приготовлением елки для Саши. Для него и для меня это было в первый раз: я более его радовалась ожиданиям. Удивляюсь, как детски я заботилась...» В память об этой первой елке Саши Герцена неизвестным художником была сделана акварель «Саша Герцен у рождественской елки», которая хранится в Музее Герцена в Москве. На ней мальчик, сидящий у няни на руках, смотрит на елку, установленную на столе. На обороте рукою Герцена написано: «1841. Декабря 29. Новгород» [95: 605–606].

Первое время в русской среде елка по преимуществу устраивалась в домах петербургской знати. Остальное население столицы до поры до времени относилось к ней либо равнодушно, либо вообще не знало о существовании такого обычая. Однако мало-помалу рождественское дерево завоевывало и другие социальные слои Петербурга. И вдруг в середине 1840-х годов произошел взрыв – «немецкое обыкновение» начинает стремительно распространяться. Петербург был буквально охвачен «елочным ажиотажем»: о елке заговорили в печати, началась продажа елок перед Рождеством, ее стали устраивать во многих домах. Обычай вошел в моду, и уже к концу 1840-х годов рождественское дерево становится в столице хорошо знакомым и привычным предметом рождественского интерьера. И. И. Панаев иронизировал по этому поводу:

В Петербурге все помешаны на елках. Начиная от бедной комнаты чиновника до великолепного салона, везде в Петербурге горят, блестят, светятся и мерцают елки в рождественские вечера. Без елки теперь существовать нельзя. Что и за праздник, коли не было елки?» [319: 91].

Этот внезапный взрыв интереса к елке и страстного увлечения ею вызывает удивление. Что же произошло на протяжении 1840-х годов? Думается, что столь стремительный рост популярности немецкого обычая объясняется несколькими причинами.

Прежде всего в основе лежало стремление подражать Западу. Начиная с 1820-х годов и далее на протяжении двух десятилетий русские увлекались немецкой литературой и философией. Отсюда и интерес к немецким обычаям, в частности – рождественскому дереву, что подкреплялось популярностью произведений немецких писателей, и прежде всего Гофмана, «елочные» тексты которого «Щелкунчик и Мышиный король» (1816) и «Повелитель блох» (1822) были хорошо известны русскому читателю. Эти произведения печатались к Рождеству отдельными изданиями, предлагая детям праздничное чтение, тем самым способствуя усвоению обычая рождественской елки, в то время как иллюстрации помогали закреплению ее зрительного образа. Герой повести Гофмана «Повелитель блох» Перегринус Тис каждый сочельник устраивает у себя в доме елку, готовит сам себе подарки, с нетерпением ожидает встречи с ней; он, как ребенок, радуется и елке, и подаркам, а затем относит их детям из бедных семей [106: 356–358].

Иллюстрация к сказке «Щелкун орехов и царек мышей» в книге «Подарок на Новый год. Две сказки Гофмана для больших и маленьких детей». СПб.: тип. А. Сычева, 1840

Еще более привлекательным «елочным» текстом оказалась повесть Гофмана «Щелкунчик», впервые вышедшая в русском переводе в 1840 году под названием «Щелкун орехов и царек мышей», «чудное изделие чудного гения», как определил это произведение Белинский. Эта повесть была напечатана с единственной иллюстрацией на первой странице, где была изображена небольшая зала в немецком доме. На столе, накрытом белой скатертью, стоит еловое деревце с зажженными на нем свечками и разложенными под ним подарками, среди которых и знаменитый Щелкунчик. Только что впущенные в комнату Мария и Франц разбирают подарки, в то время как их родители и крестный Дроссельмейер наблюдают за реакцией детей на сияющее дерево и подарки [см.: 341]. Эта иллюстрация была одним из первых изображений рожде-

ственской елки, появившихся в русской печати. Она, а вслед за нею и многие другие служили образцом для устройства елки в русских домах⁵.

С середины 1840-х годов помимо текстов Гофмана читателю стали известны произведения и ряда других западноевропейских писателей, в основе которых лежал сюжет, связанный с рождественской елкой. Таковы, например, сказки Андерсена «Ель» (1844), описывающая судьбу дерева, срубленного для детского праздника, и «Девочка со спичками» (1845), где девочке-сироте, замерзающей рождественским вечером на городской улице, чудится прекрасная елка. Читая «елочные» произведения западноевропейской литературы, русские знакомились с обычаем елки, что ускоряло его усвоение.

Существенную роль в распространении и популяризации елки в России сыграла коммерция. С начала 1840-х годов известные кондитерские Петербурга, воспользовавшись новым увлечением своих покупателей, организовали продажу елок, уже, так сказать, готовых к употреблению, – с висящими на них фонариками, игрушками и (что для кондитеров было самым главным) с произведениями так называемой кондитерской архитектуры: разного рода пряниками, пирожными, конфетами и пр. Ответ на вопрос, почему именно кондитерское производство оказалось ведущим в пропаганде елки, связан с его историей в России. С начала XIX века самыми известными в Петербурге специалистами кондитерского дела были выходцы из Швейцарии, относящиеся к альпийской народности – ретороманцам, известным по всей Европе мастерам-кондитерам. «Их колония в Петербурге была многочисленной и по профессии однородной» [245: 35]. Постепенно они завладели кондитерским делом столицы и, видя возрастающую моду на елку, воспользовались этим для улучшения торговли своими продуктами. Быстро сориентировавшись, они освоили изготовление уже готовых к использованию елок. «Северная пчела», регулярно оповещая о местах продажи елок, в конце 1839 года с сожалением отмечает их отсутствие в кондитерской «Гг. Беранже и Вольфа»:

Их можно получить только в кондитерской Доминика (на Невском проспекте, в доме Петровской церкви) и в кондитерской Пфейфера... У каждого из двух поименованных кондитеров елки отличаются новым изобретением [398: 1].

Через год в газете появляется новое сообщение:

Место не позволяет гг. Вольфу и Беранже иметь готовые елки, но у гг. Доминика, Излера и Пфейфера они удивительно хороши и богаты... чего тут нет!.. Картонные игрушки, называемые сюрпризами, отличаются ныне удивительным изяществом. Это уже не игрушки, а просто модели вещей, уменьшенные по масштабу. Елки у г. Пфейфера с транспарантами и китайскими фонарями, а у гг. Доминика и Палера также с фонарями на грунте, усеянном цветами. Прелесть да и только! [399: 1]

И далее – несколько лет спустя:

Если желаете иметь елку великолепную, так сказать, изящную, закажите с утра г. Излеру, в его кондитерской, в доме Армянской церкви, на Невском проспекте. Тогда будете иметь елку на славу, которою и сами можете любоваться. Обыкновенные, но прекрасно убранные елки продаются в кондитерской г. Лерха... [402: 1]

Из содержания этих рекламных статей видно, что наряду с деревьями в кондитерских продавались и подарки – игрушки, книжки, сласти:

⁵ Впоследствии «Щелкунчик» многократно переиздавался, став одним из любимейших рождественских произведений юных читателей [см., например: 412].

В кондитерской-кофейне (café-restaurant) г. Доминика продаются прекрасные елки, со всем убранством и множеством сахарных игрушек. В кондитерской г. Излера продаются также превосходные елки, парижские картонажи и игрушки [401: 1].

Стоили такие елки очень дорого («от 20 рублей ассигнациями до 200 рублей»), и поэтому покупать их для своих детей могли только очень богатые «почтенные маменьки», на которых в первую очередь и рассчитывала реклама:

Но без елки нет в семействе праздника. Если вы, почтенные маменьки, не обзавелись еще елкою, заезжайте в кафе-ресторан г. Доминика, на Невском проспекте, в доме Петровской церкви. Мы еще никогда не видели в Петербурге так красиво убранных елок, как в нынешнем году у Доминика... Елки выносят одну за другою, и ряды беспрестанно пополняются [404: 1].

На первых порах «немецкое нововведение» было доступным лишь состоятельным семьям, в которых организация рождественского праздника с елкой с каждым годом становится все более и более привычной. О продаже елок на петербургских рынках в это время еще ничего не слышно. Торговля ими началась несколько позже – с конца 1840-х годов. Продавались елки у Гостиного двора, куда крестьяне привозили их из окрестных лесов. Это, конечно же, значительно снизило цену на деревья, хотя городские бедняки все равно далеко не всегда могли позволить себе удовольствие устроить елку. Ведь помимо самого деревца требовались еще и елочные украшения, и свечи, и подарки для детей. В повести Д. В. Григоровича «Зимний вечер» (1855) бедный петербургский уличный артист переживает по поводу того, что не в состоянии устроить своим детям елку: «На совести отца лежала елка, которую обещал к Рождеству и которой не было» [108: 324].

Если бедняки не могли позволить себе приобрести даже самую маленькую елочку, то богатая столичная знать уже с конца 1840-х годов начала устраивать настоящие соревнования: у кого елка больше, гуще, наряднее, богаче изукрашена. «Дети одного моего приятеля, – писал И. И. Панаев, – ...разревелись оттого, что их елка была беднее, нежели у их двоюродных сестриц и братьев...» [319: 91]. В качестве елочных украшений в состоятельных домах нередко использовали не специальные елочные игрушки и мишуру, а настоящие драгоценности и дорогие ткани. Концом 1840-х годов датируется и первое упоминание об искусственной елке, что считалось особым шиком:

Один из петербургских богачей заказал искусственную елку вышиною в три с половиной аршина, которая была обвита дорогой материею и лентами; верхние ветки ее были увешаны дорогими игрушками и украшениями: серьгами, перстнями и кольцами, нижние ветви цветами, конфетами и разнообразными плодами [446: 87].

К середине XIX века немецкий обычай прочно вошел в жизнь российской столицы. Елка становится для жителей Петербурга вполне привычной. В 1847 году Н. А. Некрасов упоминает о ней как о чем-то всем знакомом и понятном:

«Все же случайное походит на конфеты на рождественской елке, которую так же нельзя назвать произведением природы, как какой-нибудь калейдоскопический роман фабрики Дюма – произведением искусства» [284: XI, кн. 1, 30].

Слово «елка» начинает использоваться в метафорическом, переносном смысле, когда возникает необходимость охарактеризовать что-либо или же кого-либо, обвешанного блестящими вещами. А. Ф. Кони вспоминает, как в 1850-х годах маленький мальчик на вопрос

матери «Кто этот дядя?» о пришедшем к ним с праздничным визитом господине с большим количеством орденов и значков на груди отвечает: «Знаю, это елка» [198, 61].

Само дерево, использовавшееся в качестве главной принадлежности детского семейного праздника Рождества, первоначально известное под немецким наименованием *Weihnachtsbaum*, первое время называлось «рождественским деревом», но вскоре получило имя «елки», закрепившееся за ним навсегда. «Елкой» стал называться и праздник, устраиваемый по поводу Рождества (первоначально – новогодний праздник для детей): «пойти на елку», «устроить елку», «пригласить на елку». Немецкое название, выйдя из употребления, с этих пор стало встречаться только в переводах произведений западноевропейских писателей и в стилизациях, как, например, в повести Анны Зонтаг «Сочельник перед Рождеством Христовым» (1864). Здесь усыновленный немцем-лесничим и выросший в его доме мальчик, будучи уже взрослым, в сочельник приходит в отчий дом и приносит детям «рождественское дерево» и подарки [161: 153].

Говоря об обычае елки, необходимо различать два понятия: *елку* как помещаемое в жилище вечнозеленое дерево, изображающее собою «неувядающую благодать Божию» и являющееся символом неумирающей природы (то есть само украшенное рождественское дерево – *Weihnachtsbaum*), и *елку* как детский праздник в честь этого дерева (детский новогодний или рождественский праздник с танцами, играми вокруг украшенной елки – *Weihnachtsabend*). В. И. Даль заметил по этому поводу: «Переняв, через Питер, от немцев обычай готовить детям к Рождеству разукрашенную, освещенную елку, мы зовем так иногда и самый день елки, сочельник» [113: I, 519].

Русская елка во второй половине XIX века

«Милая немецкая затея»: освоение елки в России

...Какая умиротворяющая праздничная струя носится в это время в воздухе.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Освоение в России рождественской елки поражает своей стремительностью. Если в начале 1830-х годов о ней еще говорилось как о «милой немецкой затее», то в конце этого десятилетия она уже «входит в обиход» в домах петербургской знати, а в течение следующего становится в столице широко известной. В середине века из Петербурга, превратившегося в настоящий рассадник елки, она «развозится» по всей России: по ее губернским и уездным городам, а некоторое время спустя – и по дворянским усадьбам. К концу столетия елка была усвоена как в городе, так и в поместье.

Провинция, конечно, отставала от столицы, хотя и не слишком сильно: регулярные и разнообразные связи с Петербургом немало способствовали быстрому распространению елки. Отдельные свидетельства знакомства с ней провинциалов датируются началом 1840-х годов. Я. П. Полонский, отроческие годы которого прошли в Рязани, вспоминает, что до шестого класса гимназии (то есть примерно до 1838 года) он не видел ни одной елки и «понятия не имел, что это за штука». Но уже через несколько лет она, «вместе с французским языком», была «привезена» из Петербурга в Рязань воспитанницами Смольного института [345: 331].

По словам М. Е. Салтыкова-Щедрина, жившего с 1848 по 1856 год в ссылке в далекой Вятке, там елка была «во всеобщем уважении» уже с начала 1850-х годов: «По крайней мере, чиновники» считали «непременную обязанностью купить на базаре елку», – иронизирует писатель [388: II, 233].

Причина такого быстрого вхождения петербургского новшества в жизнь провинциального города понятна: отказавшись от старинного народного обычая празднования Святков, горожане ощутили некий обрядовый вакуум. Этот вакуум либо ничем не заполнялся, вызывая чувство разочарования из-за неудовлетворенных праздничных ожиданий, либо компенсировался новыми, сугубо городскими, часто на западный манер, развлечениями, в том числе и устройством елки.

Помещичью усадьбу рождественское дерево завоевывало с бóльшим трудом. Здесь, как свидетельствуют мемуаристы, Святки еще в течение многих лет продолжали праздноваться с соблюдением народных обычаев, по старинке, вместе с дворней, что формировало в бывших барчуках стойкую неприязнь к елке. Так, И. И. Панаев, родившийся в 1812 году, писал: «...елка не имеет для меня ни малейшей привлекательности, потому что в моем детстве о елках еще не имели никакого понятия» [318: 223]. Но уже М. Е. Салтыков-Щедрин, родившийся четырнадцать лет спустя, относился к елке иначе: «...воспоминания о виденных мною елках навсегда останутся самыми светлыми воспоминаниями пройденной жизни!» – заявляет он [388: III, 78; см. также: 423: 117].

И все же мало-помалу петербургская мода начинала проникать и в усадьбу, хотя еще в течение долгого времени елку на рождественских праздниках можно было увидеть далеко не во всех помещичьих домах. Мемуаристы, вспоминая о своем усадебном детстве 1850-х годов, говорят о том, как они, страстно мечтая о елке, не получали ее из-за недостаточной обеспеченности своих родителей. Это может показаться странным, поскольку, казалось бы, уж где-где как не в деревне еловое дерево могло быть наиболее доступным: стоило только послать

за ним в лес мужиков. Однако одного дерева для организации праздника было недостаточно: нужны были и украшения, и сласти, и свечи, и подарки для детей. Далекое не каждая семья мелкопоместных дворян была в состоянии все это осилить.

Кроме того, для устройства елки необходимы были определенные знания и навыки: для того чтобы подражать жителям столиц, надо было иметь пример для подражания. В 1853 году детская писательница Л. А. Савельева-Ростиславич заметила по этому поводу:

В местах, отдаленных от Петербурга и Москвы, елка составляет чрезвычайную редкость не только для детей, но и для их родителей, если эти помещики, по ограниченности своего состояния, не имели средств быть ни в одной из столиц [385: 117].

Как можно заметить из приведенного высказывания, к началу 1850-х годов барчукам елка была уже не только известной, но и желанной, хотя часто недостижимой.

Однако вскоре елка «прививается» и в помещичьей усадьбе. Писатель и публицист Е. Л. Марков, родившийся в 1835 году и выросший в Щигровском уезде Курской губернии, в автобиографической повести «Барчуки» писал о своих первых елках:

Елка явилась в Лазовском мире как элемент уже позднейший и законный. Ее появление было тесно связано с проявлением в Лазовском доме гувернанток-немок и сестер из института [259: 197].

Характерно, что «первые попытки этого иноземного нововведения» встречаются с насмешками, вплоть до того, что слуги хотели изломать эту «немкину затею» [259: 197–198].

Если до середины XIX века в воспоминаниях, посвященных Святкам в барской усадьбе, устройство елки упоминается достаточно редко, то уже через десять лет положение изменилось. В мемуарах и в переписке членов семьи Льва Толстого рассказы об организации святочных увеселений непременно включают в себя подробности и эпизоды, связанные с елкой, которая стала для них обязательным и важнейшим компонентом зимних торжеств. О рождественских праздниках 1863 года свояченица писателя Т. А. Кузминская, подолгу живавшая в Ясной Поляне и считавшая ее своим «вторым родительским домом», вспоминает: «Ежедневно устраивались у нас какие-нибудь развлечения: театр, вечера, елка и даже катание на тройках» [216: 291]. Два года спустя, 14 декабря 1865 года, в письме к С. А. Толстой она сообщает: «Здесь готовим мы на первый праздник большую елку и рисуем фонарики разные и вспоминали, как ты эти вещи умеешь сделать». И далее: «Была великолепная елка с подарками и дворовыми детьми. В лунную ночь – катанье на тройке» [216: 405]. Сын писателя С. Л. Толстой, вспоминая о своем детстве, также пишет о ежегодном устройстве елки: «На святках, по обыкновению, была елка, приезжали гости, и мы наряжались»; «В Новый год была чудесная елка, особенно удавшаяся в нынешнем году»; «На святках – крестины Маши. Великолепная елка» [455: 42, 54, 57]. О том же сообщает и Илья Толстой: «Огромная елка до потолка блестит зажженными свечами и золотыми безделушками» [451: 66]. В мемуарах дочери писателя Татьяны (Т. Л. Сухотиной-Толстой) читаем: «Ожидалось много гостей, и, чтобы им не было скучно, готовилась елка, маскарад, катание с гор и на коньках и прочие удовольствия...»; «Она [елка] доходит почти до самого потолка, и вся залита огнями от множества восковых свечей, и сверкает бесчисленным количеством всяких висящих на ней ярких безделушек» [441: 81, 92]. Все это происходило в 1860–1870-е годы.

В дальнейшем я еще не раз буду обращаться к мемуарам детей Толстого: они содержат обильный и разнообразный материал по истории устройства елки в барской усадьбе. Зимние праздники в Ясной Поляне являли собой редкий пример органичного соединения русских народных Святков с западной традицией рождественского дерева: здесь «елка была годовым торжеством» [451: 65]. Устройством елок руководила жена писателя С. А. Берс, которая, по мнению знавших ее людей, «умела это делать». Инициатором чисто святочных увеселений был

сам писатель, судя по воспоминаниям и по литературным произведениям, прекрасно знавший обычаи народных Святков (вспомним хотя бы соответствующие эпизоды из «Войны и мира»).

Все дети Льва Толстого при описании яснополянских Святков рассказывают о приходе к ним на елку крестьянских ребятишек:

Наконец слышим стремительный топот вверх по лестнице. Шум такой, точно гонят наверх табун лошадей... Мы понимаем, что впустили вперед нас крестьянских ребят и что это они бегут наверх. Мы знаем, что, как только они войдут в залу, так откроют двери и нам... Дворовые и деревенские дети тоже издали разглядывают все висящее на елке и указывают друг другу на то, что им больше нравится... [441: 92]

Приглашение крестьянских детей на елку в барский дом было достаточно широко распространено. Такой же праздник изображен и в очерке А. С. Путьяиной 1881 года «Елка». Здесь мальчику и девочке, проводящим зиму в поместье, родители устраивают елку, на которую приглашают и крестьянских ребятишек. Описываются веселые предпраздничные хлопоты: изготовление елочных игрушек, покупка родителями вороха гостинцев, привоз кучером Емельяном из леса елки, прикрепление дерева к крестовине и установка его в углу залы. В воздухе распространяется запах смолы. Дети украшают елку, вешают на нее орехи, пряники и конфеты, а также разноцветные фонарики. Когда приходят крестьянские дети, елку зажигают и все вместе с песнями водят вокруг нее хоровод. Потом с дерева срезают гостинцы [363: 43–55].

О приходе на елку деревенских детей говорится и в повести А. Н. Толстого «Детство Никиты»:

Затем в коридоре хлопнула на блоке дверь, послышались голоса и много мелких шагов. Это пришли дети из деревни. ...В гостиной раскрылись другие двери, и, теснясь к стенке, вошли деревенские мальчики и девочки. Все они были без валенок, в шерстяных чулках... [450: III, 201–202]

В последней трети XIX века в усадьбе елка была уже в такой же мере освоена и в такой же чести, как в Петербурге и Москве. Литературные произведения и мемуары, посвященные этому времени, включают в себя как подробные описания устройства праздника с елкой, так и краткие упоминания о ее присутствии в доме на рождественских праздниках:

Через открытую дверь соседней залы виднелась громадная елка, украшенная цветными и золотыми гирляндами, золочеными орешками, пестрыми хлопушками, пряничными фигурками, мандаринами. На самой верхушке елки как бы улетал ввысь белый ангел с распростертыми, блестящими крыльями [424: 74].

«Там детство рождественской елью топорщится»: праздник рождественской елки

*В парафиновом сияньи
Скоро ль распахнется дверь?
Эта радость ожиданья
Не прошла еще теперь.*

М. Кузмин. Елка

*Где дети – там елка, богаче, беднее,
Но вся в золотых огоньках.
И сколько веселья и сколько восторга
В незлобивых детских сердцах.*

Б. п. Рождественская елка

Согласно немецкой традиции, праздник елки считался днем семейного детского торжества, который в памяти ребенка должен был запечатлеваться как день милосердия, добра и всепрощения. Первоначально елка устраивалась только для членов одной семьи и предназначалась детям. Интимность, домашность праздника с рождественским деревом поддерживалась и в русских домах. Такие «классические» елки, елки, так сказать, «немецкого образца», после усвоения в России пришедшего из Германии обычая в большинстве русских домов организовывались по более или менее устойчивому сценарию.

На первых порах присутствие в доме рождественского дерева ограничивалось одним вечером. Производимое им на детей впечатление оказывалось предельно сильным, до экзальтации. Елка приводила детей в состояние крайнего возбуждения, радости, восторга:

То, блестящее сотнями огней, что подымалось к самому потолку, – ослепило меня. Помню, показалось мне, будто открылась дверь не в знакомую залу, а в царство волшебное, небывалое... <...> Не помню праздника, который больше бы произвел на меня впечатления [20: 562–563].

Елка готовилась взрослыми членами семьи и непременно тайно от детей. В празднике сочетались и предсказуемость, и сюрприз. Хотя по предыдущим годам дети уже, как правило, знали, что елка у них непременно будет, перед каждым очередным праздником они все же сомневались: а будет ли она и на этот раз? Взрослые прилагали все усилия к тому, чтобы поддержать в детях это сомнение и тем самым усилить интенсивность их переживаний.

Ожидание детьми очередного явления елки, встречи с ней начиналось задолго до наступления Рождества. Вдруг заполняющее все пространство ощущение «предпраздничности», при котором «не хочется ничего земного», погружало ребенка в особое состояние, от которого знакомая им окружающая действительность становилась необычной. В. А. Никифоров-Волгин писал о своих детских предпраздничных чувствах:

Я долго стоял под метелью и прислушивался, как по душе ходило веселым ветром самое распрекрасное и душистое на свете слово – «Рождество». Оно пахло вьюгой и колючими хвойными лапками [296: 47].

День Рождества, как никакой другой, овладевал всеми помыслами детей: «Приближение праздника наполняет детские сердца трепетной радостью ожидания чего-то приятного» [514:

3]; «Эта радость ожидания так же чудесна, как будущий сияющий праздник» [185: 80]. Нетерпение детей возрастало с каждым днем. Когда же наконец наступал канун Рождества, им еще надо было дожидаться до вечера, а время, как казалось, тянулось вечно: «Часы в этот день тикали так медленно... <...> Как ужасно долго не смеркалось! Рот отказывался есть» [493: 67].

Пока дети, томясь и изнывая, ждали счастливейшей минуты встречи с елкой, взрослые занимались своим ответственным делом. Накануне Рождества заранее купленное или заготовленное еловое дерево тайно от детей проносилось в лучшее помещение дома, в залу или в гостиную, устанавливалось на столе, покрытом белой скатертью, а впоследствии – на полу и украшалось. Старшим членам семьи «надо было пронести елку в зал... так, чтобы никто не видал» [158: 13]. Взрослые, как вспоминает А. И. Цветаева, «прятали от нас [елку] ровно с такой же страстью, с какой мы мечтали ее увидеть» [493: 67]. О тайном приготовлении родителями рождественского дерева упоминают почти все мемуаристы: «В это время двери залы запираются, и „большие“ убирают елку...» [451: 66]; «Нас не пускают в залу. Там мама с гостями устраивает елку...» [441: 91]; «С середины дня папина комната стояла закрытой; там водружалась и украшалась грандиозная, до высокого потолка, елка...» [131: 176].

К ветвям дерева прикрепляли свечи, развешивали лакомства, украшения, внизу раскладывали подарки, которые, как и сама елка, готовились в строгом секрете. И наконец, перед самым впуском детей в залу, на дереве зажигали свечи.

Входить в помещение, где устанавливалась елка, до специального разрешения детям строжайшим образом запрещалось. Чаще всего на это время их изолировали в детскую или в какую-либо другую комнату: «Наверху нас запирают в гостиную, а мама с гостями уходит в залу зажигать елку...» [441: 92]

Незаслуженного дара
Ждем у запертых дверей... [215: 79]

В ряде европейских стран существовал обычай: перед тем как впустить детей в помещение с наряженной и зажженной елкой, для достижения большего эффекта их держали в «отдельной совершенно темной комнате»:

...детей запирали перед елкой в темную комнату для того, чтобы блеск свечей, роскошь игрушек и елочных украшений показались им еще прекраснее [188: 18].

В русской традиции этот достаточно жестокий обычай, насколько мне известно, принят не был.

Нетерпение детей возрастало с каждой минутой: «Волнение наше доходит до крайних пределов...» [441: 92]; «Волнение наше было такое, что мы уже не можем сидеть на месте, двадцать раз подбегаем к двери... и время кажется длинным-длинным» [451: 66]. Иногда кому-нибудь из самых бойких ребят все же удавалось застичь тот момент, когда елку проносили в зал, и как они тогда были счастливы: «...и Андрюша, успев увидеть, мчался к нам вверх по лестнице, удирая от гувернантки, захлебнувшись, шептал: „Принесли!“» [493: 68]. Дети не могли видеть то, что делается в доме, но по всевозможным знакам они стремились угадать, что происходит за пределами их комнаты: прислушивались, подглядывали в замочную скважину или в дверную щель: «Мы совершенно не в силах сидеть на месте и то подбегаем к одной двери, то к другой, то пытаемся смотреть в щелку, то прислушиваемся к звукам голосов в зале» [441: 91]; «...спрашиваем – скоро ли готово, подсматриваем в ключевину...» [451: 66]. Как вспоминали об этом М. Кузмин и В. Князев:

В двери светлая полоска

Так заманчиво видна!

.....

Не видна еще ребенку
Разукрашенная ель,
Только луч желто и тонко
Пробивается сквозь щель [215: 79].

О, дайте нам елку, волшебную елку
С гирляндами пестрых огней;
Заставьте томиться, заглядывать в щелку,
Гореть у закрытых дверей! [195: 216]

Слух и обоняние детей обострились до предела: «Чувствуется приятный смолистый запах елки...» [441: 91]; «Пахнет хвойным деревом и смолой» [451: 66]; «Все чувства, как вскипевшее молоко, ушли через края – в слух» [493: 68]; «Пахнет смолкой свежий ельник / Из незапертых дверей» [215: 79].

Дети слышали, что «внизу... что-то несли, что-то шуршало... что-то протаскивали, и пахло неназываемыми запахами, шелестело проносимое и угадываемое...» [493: 68]; «Этот блеск, этот свежий, такой вкусный запах елки восхищали меня необычайно» [20: 563].

Когда же наконец все приготовления были закончены, детям либо подавался условный сигнал: «в ту же минуту раздался звонок» [188: 22–23]), либо за ними приходил кто-то из взрослых или слуг: «...слышим приближающиеся из залы шаги мамá к гостиной двери» [441: 92]; «Обычно мы, все дети, ждали в соседней комнате, пока двери не откроются и лакей Петр, в черном фраке и белых перчатках, не заявит торжественно „Милости просим!“» [413: 6]; «И когда уже ничего не хотелось как будто от страшной усталости непомерного дня... снизу, где мы до того были только помехой, откуда мы весь день были изгнаны, – раздавался волшебный звук – звонок!» [493: 68].

Наконец двери в залу открывали и детей впускали в помещение, где была установлена елка. Этот момент распаивания дверей запечатлен во множестве мемуаров, рассказов и стихотворений: он был для детей долгожданным и страстно желанным мигом вступления в «елочное пространство», их соединением с волшебным деревом: «Наконец все готово. Двери залы отпираются... и из гостиной вбегаем мы» [455: 42]; «Вслед за этим дверь отворяется на обе половинки, и нам позволено войти...» [441: 92]; «Вдруг раскрылись двери и из соседней комнаты шумную гурьбой вбежали дети» [146: 253]; «...двери отворились настежь и в комнату влился поток яркого света...» [188: 22–23]; «Наконец дверь растворяется, и счастливец, с нетерпением ожидавших этой минуты, впускают в заветную комнату» [354: 4]; «Наконец праздник начался, двери растворились...» [354: 5]; «...вечером вдруг распаивались двери, за которыми мы давно уже стояли в нетерпении» [131: 131]; «...нам навстречу распаиваются двухстворчатые высокие двери... И во всю их сияющую широту, во всю высь вдруг взлетающей вверх залы, до самого ее потолка, несущего, – она!» [493: 67].

Впечатление, производимое на детей видом елки, «для которой уже не было ни голоса, ни дыхания и от которой нет слов» [493: 69], описано многими мемуаристами. Первой реакцией было оцепенение, почти ошарашивание: «В первую минуту мы стоим в оцепенении перед огромной елкой. Она доходит почти до самого потолка...» [441: 92]; «Ослепленные огнем десятка свечей... мы вливались из столовой веселой гурьбой и на время замирали, не скрывая произведенного на нас впечатления» [413: 6]; «...все замерли от восторга... настолько чудесная картина представилась нам» [413: 13]; «Дети стояли неподвижно, потрясенные» [450: III, 202].

Иллюстрация с титульного листа книги «Елка. Поздравительные стихотворения на торжественные случаи» (1872)

Представ перед детьми во всей своей красе, разукрашенная «на самый блистательный лад» елка неизменно вызывала изумление, восхищение, восторг: «...глазам восхищенных детей предстает Weihnachtsbaum в полном величии...» [47: 33]; «...и блестящая, как солнце, елка... почти ослепила глаза всем» [158: 6]; «Как двери настежь открыли, так дети все только ахнули» [377: 12]; «Дети, конечно, были поражены сияющими огнями, украшениями и игрушками, окружавшими елку» [126: 252].

После того как проходило первое потрясение, начинались крики, ахи, визг, прыганье, хлопанье в ладоши и т. п.: «Дети закричали, заахали от радости...» [158: 18]; дети «с громкими криками радости прыгали и скакали около дерева» [140: 18]; «Дети завизжали от восторга: „Елка! Елка!“» [255: 57]; «Увидев красавицу елочку, все захлопали в ладоши и начали прыгать вокруг...» [146: 253]; «Дети поражены, даже самый маленький хлопает в ладошки на руках у няни...» [287: 1165]; дети «прыгают вокруг разукрашенного рождественского дерева» [302: 1]; «Минуту царила тишина глубокого очарования, сразу сменившаяся хором восторженных восклицаний. Одна из девочек не в силах была овладеть охватившим ее восторгом и упорно и молча прыгала на одном месте; маленькая косичка со вплетенной голубой ленточкой хлопала по ее плечам» [15: 161–162].

Затем наступало тихое, интимное общение детей с елкой: каждый из них любовался ею, рассматривал висящие на ней игрушки, разбирал свои подарки: «...наигравшись подарками, мы обрывали с ветвей красные, зеленые и голубые хлопушки... огненные фонтанчики бенгальских огней» [131: 131].

В конце праздника наступала психическая разрядка. Доведенные до крайне восторженного состояния, дети получали елку в свое полное распоряжение: они срывали с нее сласти и игрушки, разрушали, ломали и полностью уничтожали дерево (что породило выражения «грабить елку», «щипать елку», «рушить елку»). Отсюда произошло и название самого праздника: праздник «ощипывания елки»:

Дети набросились на дерево, беспощадно тащили и срывали все, что можно было взять, поломали ветки, наконец повалили на пол – верхушка подверглась тому же опустошению [142: 31].

Елка уже упала, и десятки детей взлезали друг на друга, чтобы достать себе хоть что-нибудь из тех великолепных вещей, которые так долго манили собой их встревоженные воображеньица [388: II, 235].

Дети... разобрали всю елку вмиг, до последней конфетки, и успели уже переломать половину игрушек, прежде чем узнали, кому какая назначена [127: II, 96].

Напрыгавшись вокруг нее досыта, они... с веселым визгом и смехом повалили ее на паркет и принялись опустошать так усердно, что, когда лакей вынес дерево на кухню, на нем, кроме десятка яблок да стольких же пряников и конфет, ничего не осталось [396: 112].

Детям предоставлялась полная «свобода для ненормативных действий», они «выпускали свои чувства наружу» [314: 96], и в этом отношении разрушение елки имело для них психотерапевтическое значение разрядки после пережитого ими долгого периода напряжения. В тех случаях когда такой разрядки не было, праздник часто заканчивался разочарованием, слезами, скандалами, долго не проходившим возбуждением. Жена Ф. М. Достоевского Анна Григорьевна, вспоминая о первой елке, устроенной в 1872 году для тогда еще совсем маленьких детей, рассказывает о последовавшей после праздника болезненной реакции сына Феди, проснувшегося ночью в истерике и плакавшего до тех пор, пока отец снова не отнес его к елке и подаркам. Родители были столь напуганы этой «загадочною болезнью», что решили «несмотря на ночь, пригласить доктора», пока не поняли, в чем дело: «очевидно, воображение мальчика было поражено елкой, игрушками и тем удовольствием, которое он испытал...» [126: 251]. «Было ужасно весело, – пишет в своих мемуарах князь Ф. Ф. Юсупов, – но кончался праздник почти всегда потасовкой. Я был тут как тут и с наслаждением колотил ненавистных, к тому ж и мозгляков» [524: 61].

В празднике елки принимали участие все члены семьи, и большие, и маленькие. Подрастая, старшие дети начинали помогать в устройстве елки и точно так же скрывали от младших свое участие в подготовке рождественского дерева и подарков. Этот переход ребенка в новый статус, бывший своего рода инициацией, совершался в определенном возрасте (примерно с двенадцати лет): «Надобно было пронести елку в зал, но так, чтобы никто из детей не видал, и мне удалось сделать это, пока они еще спали», – пишет тринадцатилетняя девочка в письме, адресованном подруге [158: 13]. А. И. Куприн в рассказе «Тапер» отмечает:

Тина только в этом году была допущена к устройству елки. Не далее как на прошлое Рождество ее в это время запирали с младшей сестрой... в детскую, уверяя, что в зале нет никакой елки, а что «просто только пришли полотеры» [218: III, 74].

Организуя праздник, взрослые волновались не намного меньше, чем дети. Готовились загодя, покупая подарки, елку и елочные украшения. Порою безумно уставали. Младшая дочь В. В. Розанова Надежда вспоминает о подготовке праздника елки в их семье: «Мама весь день ездила в город покупать подарки и приезжала измученная и ложилась на диван...» [372: 25]. Несмотря на хлопоты и усталость, устройство елки доставляло родителям не меньше удовольствия, чем детям сама елка. А. Г. Достоевская пишет о том, как серьезно относился к подготовке праздника для детей ее муж:

Федор Михайлович, чрезвычайно нежный отец, постоянно думал, чем бы потешить своих деток. Особенно он заботился об устройстве елки: непременно требовал, чтобы я покупала большую и ветвистую, сам украшал ее (украшения переходили из года в год), влезал на табуреты, вставляя верхние свечи и утверждая «звезду» [126: 252].

Когда дети входили наконец в помещение, где стояла елка, восхищались ею, рассматривали на ней игрушки и разбирали свои подарки, взрослые со стороны смотрели на них, с явным удовлетворением и умилением наблюдая за произведенным на детей впечатлением и вспоминая елки своего детства:

При виде сияющих детских личиков, облитых светом множества свечей, мы вспоминаем и свое минувшее детство, и свои светлые впечатления, когда неожиданно отворившиеся двери открывали перед нами ярко освещенное дерево, увешанное подарками. Счастливые впечатления детства. Вот прошло много лет, и они не забываются, а на детском празднике, на елке, воспроизводятся с особой рельефностью [305: 871].

Как приятно и весело смотреть на раздумывавшиеся личики и блестящие глазенки малюток! [336: 108]

Теперь переживаешь праздничную радостную настроенность вдвойне: и за себя, и за детей: вместе с ними переживаешь снова то, что так хорошо было в детстве [73: 60–61].

Взрослые ревностно следили за реакцией детей на столь старательно приготовленную ими елку, ожидая от них проявления восторга, радости, веселья. В тех случаях, когда наряженное дерево не производило должного эффекта или когда дети, игнорируя елку, тотчас же бросались к подаркам, родители крайне огорчались. И наоборот, они испытывали чувство громадного удовлетворения и даже счастья, когда дети вначале выражали восхищение столь старательно устроенным, с такой любовью украшенным деревом: дети «надобно отдать им честь – долго восхищались деревом прежде, нежели вздумали разбирать свои подарки» [157: 13]. В противном случае старшие считали, что елка «не получилась». Ожидавшейся взрослыми реакции детей на елку действительно иногда не было. Случалось, что столь тщательно устроенные родителями семейные праздники заканчивались слезами и скандалами, неудовлетворенностью подарками и ревностью по отношению к подаркам, полученным другими детьми. Пресловутое обязательное «елочное веселье» превратилось в конце концов в предмет шуток и юмористических сценок, которые к концу XIX века часто встречались в рождественских выпусках юмористических журналов:

Отец вводит детей к елке. «Ну, вот вам и елка! Вы теперь должны как следует веселиться, чтобы не зря были затрачены мною деньги на елку. А если не будете искренне веселиться – всех выдеру! Так и знайте!» —

шутит анонимный юморист в сборнике «Веселые святки» [135: 6].

Рисунок Р. К. Жуковского к книге Г.-Х. Андерсена «Елка и Снежный болван» (СПб., 1875)

В конце праздника опустошенное и поломанное дерево выносилось из зала и выбрасывалось во двор: «...и эта самая елка, роскошная и пышная, за минуту была выброшена на улицу» [142: 31]. Иногда оборванное дерево выставляли на черную лестницу, где оно, всеми забытое, могло валяться сколь угодно долго: елку «выставили на площадку черной лестницы с тем, чтоб дворники убрали ее куда-нибудь... но им было недосуг, и она целую неделю продолжала торчать все на том же месте, между дверью и стеной...» [396: 112]. В России (в отличие, например, от восточной Словакии, где елка после Крещения освящалась, становясь тем самым пригодной для магических действий [50: 388]) использованное на празднике дерево обычно просто выбрасывали или сжигали в печи вместе с дровами.

Рисунок Р. К. Жуковского к книге Г.-Х. Андерсена «Елка и Снежный болван» (СПб., 1875)

Обычай проведения праздника елки со временем неизбежно претерпевал изменения. В семьях, где позволяли средства и в домах которых было достаточно места, уже в 1840-е годы вместо традиционно небольшой елочки начали устанавливать большие деревья. Особенно ценились высокие, до потолка, елки, широкие и густые, с крепкой и свежей хвоей: «... в большой гостиной устанавливалась огромная елка» [413: 6]; «Елка – огромное шестиаршинное густое дерево – блестела огнями» [84: 128]. Вполне естественно, что большие ели уже нельзя было ставить на стол. Поэтому их приходилось крепить к крестовине (к «кружкам» или «ножкам») и устанавливать на полу в центре залы или самой большой комнаты в доме: «... и в зале на месте обеденного стола стоит огромная густая елка, от которой на всю комнату приятно пахнет лесной хвоей» [451: 66]. В таких случаях дети не имели возможности срывать висящие

у самого потолка сласти, а также наиболее ценные или же опасные для маленьких стеклянные украшения. Чтобы обезопасить детей, взрослые стремились повесить их как можно выше. Поэтому нижние ветви дерева обычно украшались игрушками, которые можно было трогать и с которыми можно было играть.

Переместившись со стола на пол, из угла в середину помещения, елка превратилась в центр праздничного торжества, предоставляя возможность веселиться *вокруг* нее, танцевать *вокруг* нее, водить *вокруг* нее хороводы. Стоящее в центре дерево позволяло детям осматривать его со всех сторон, выискивать на нем как новые, так и старые, знакомые по прежним годам игрушки, встреча с которыми особенно их радовала. Под елкой можно было играть, прятаться за ней или под ней и т. д. Одним из главных развлечений русских зимних детских праздников стал «оживленный хоровод вокруг елки» [369: 65]; «...и наконец, все дети закружились веселым хороводом вокруг елки» [450: III, 202]. Не исключено, что этот елочный хоровод был заимствован из троицкого ритуала, участники которого, взявшись за руки, ходят вокруг березки, исполняя обрядовые песни. Хоровод вокруг елки водили с песнями о ней. Первое время использовалась прежде всего старинная немецкая песенка «О Tannenbaum, о Tannenbaum! Wie grün sind deine Blätter» («О рождественская елка, о рождественская елка! Как зелена твоя крона») [73: 60–61]. Эта песня долгое время была главной на елках в интеллигентных русских семьях. Вскоре стали создавать и русские песни о елке:

Возле елки в Новый год
Водим, водим хоровод [88: 87].

Рисунок Р. К. Жуковского к книге Г.-Х. Андерсена «Елка и Снежный болван» (СПб., 1875)

Во время елочного хоровода часто исполнялись и вовсе не относящиеся к елке песенки-игры, как, например:

Наш отец Викентий
Нам велел играть:
Что бы он ни делал,
Все нам повторять [131: 131],

а также святочные подблюдные песни:

Уж я золото хороню, хороню,
Уж я серебро хороню, хороню... [450: III, 202]

Взрослые стремились к тому, чтобы занять детей развлечениями, в чем они, впрочем, не всегда преуспевали: «Старшим никак не удавалось собрать их в хоровод вокруг елки...» [218: III, 73–74]. А порою и самим детям приходилось в угоду родителям проявлять наигранную веселость. Анатолий Мариенгоф, вспоминая свои детские елки в Пензе начала 1900-х годов, рассказывает о регулярном, повторявшемся из года в год прыганье вокруг елки, которое совершалось детьми по указанию старших:

Уже в пять лет эта игра казалась мне скучной и глупой. Тем не менее я скакал, пел и хлопал в ладоши. Что это было – лицемерие? Нет. Похвальное желание доставить удовольствие маме, которая затратила столько сил, чтобы порадовать меня [258: 267].

Существенные перемены, произошедшие в организации «елочного пространства», изменили суть праздника: уютное семейное торжество постепенно начало превращаться в мероприятие с участием детей из других семейств. По мере распространения елки в России у глав некоторых семей, в первую очередь обеспеченных, возникало желание устраивать елку не только для своих детей, но и для детей родственников и знакомых. С одной стороны, это было следствием естественного желания родителей продлить «неземное наслаждение» [158: 6], доставляемое елкой, а с другой – им хотелось похвалиться перед чужими (взрослыми и детьми) красотой своего дерева, богатством его убранства, подготовленными подарками, угощением и т. п. Хозяева старались изо всех сил, чтобы «елка выходила на славу» [218: III, 77], это было делом чести: «Последнюю копейку ребром, только бы засветить и украсить елку, потому что нельзя же мне обойтись без елки, когда елка была у Ивана Алексеевича и у Дарьи Ивановны» [319: 91]. На таких праздниках, получивших название *детских елок*, помимо младшего поколения всегда присутствовали и взрослые (родители или сопровождавшие детей старшие). Приглашали также детей гувернанток, учителей, прислуги.

Одно из первых описаний детского праздника, состоявшегося в середине 1840-х годов в богатом петербургском доме, принадлежит А. В. Терещенко:

В десять часов вечера стали съезжаться дети; их привозили маменьки и взрослые сестрицы. Комната, где находилась елка, была освещена большими огнями; повсюду блистала пышность и роскошь. После угощения детей заиграла музыка. Танцы начались детьми, а кончились сестричками. После окончания вечера пустили детей срывать с елки все то, что висело на ней. Детям позволяется влезать на дерево; кто проворнее и ловчее, тот пользуется правом брать себе все, что достанет... [446: 86–87]

Даже в этом фрагменте, цель которого состояла в том, чтобы дать представление о недавно возникшем столичном развлечении, можно заметить ироническую интонацию. Со временем, как мы увидим, ирония и даже сарказм становились характерной чертой очерковых описаний детских елок.

Первоначально елка считалась только детским праздником. Взрослые (хозяева и родители приглашенных на праздник детей), конечно же, присутствовали на ней. И им елка «приносила много радости»: «Сколько привлекательного для детей в слове „елка“! – да и не для детей. Разве и взрослые не спешат в ярко освещенные залы вкусить удовольствие детского праздника?» [305: 871]. Однако после созерцания дерева, реакции на него детей и раздачи подарков роль взрослых оказывалась исчерпанной, и, пока детвора веселилась, старшему поколению нужно было чем-то себя занять. Взрослые удалялись в соседнее помещение, разговаривали, угощались, выпивали и играли в карты.

Со временем стали устраиваться и *елки для взрослых*, на которые родители уезжали одни, без детей. Елки для взрослых организовывались в домах начальников департаментов, губернаторов, предводителей дворянства, хозяев промышленных предприятий, богатых коммерсантов [см.: 277: 2–3] и др.

Да здравствует же елка! Тем более да здравствует, что к ней успели примазаться и взрослые! <...> Наступает и Новый год, и настоящая, большая, самонужнейшая елка для взрослых. Повышения, украшения, назначения, опять семейные и дружеские приношения! —

иронизировал по этому поводу И. А. Гончаров [102: 101]. В одном и том же доме нередко проходило не одно торжество в честь рождественского дерева, а целая серия праздников, что продлевало время пребывания елки в доме: детский семейный праздник, праздник для детей родственников и знакомых и наконец – праздник для взрослых. И. И. Панаев писал в 1856 году: «Елки до того вошли в петербургские нравы, в петербургские потребности, что люди холостые и пожилые устраивают их вскладчину для собственного увеселения и забавы» [319: 90; см. также: 384: 1–2]. В рассказе Н. А. Лухмановой 1894 года говорится о том, как родители, оставив дома больную дочку с няней, разъезжаются по «своим» елкам. Отец едет «на веселую елку к „милрой женщине“», а его жена – «к одной из своих подруг на елку для взрослых, с сюрпризами, подарками, без танцев, но с флиртом, под чарующую музыку приглашенных артистов» [246: 4]. В 1867 году журнал «Развлечение» писал о елке в доме городничего, старого холостяка, у которого на дереве вместо игрушек висели бутылки с алкогольными напитками [530: 18–21]. Сохранились сведения о том, что устраивались даже елки для собак: в 1874 году

была запрещена статья «Елка», в которой приводилась «переписка» богатой барыни по поводу собачьей елки и вся эта затея сопоставлялась с положением бедных и голодных «двуногих» [76: 32].

Обложка брошюры «Елка в русском собрании 4 января 1890 г.: [Стихи и рассказы]» (Варшава, 1889)

О закреплении практики устройства «взрослых елок» свидетельствуют их описания в литературных произведениях и мемуарах. Обычно «взрослые елки» приурочивались не к Рождеству, а к встрече Нового года. Они мало чем отличались от традиционных святочных вечеров, балов, маскарадов, получивших распространение еще в XVIII веке. В таких случаях разукрашенное дерево превращалось просто в модную и со временем ставшую обязательной деталь праздничного декора залы. В главе «Елка у Свентицких» в романе «Доктор Живаго» Борис Пастернак пишет:

С незапамятных времен елки у Свентицких устраивались по такому образцу. В десять, когда разъезжалась детвора, зажигали вторую для молодежи и взрослых, и веселились до утра. Только пожилые всю ночь резались в карты в трехстенной помпейской гостиной, которая была продолжением зала... На рассвете ужинали всем обществом... Мимо жаркой дышащей елки, опоясанной в несколько рядов струящимся сиянием, шурша платьями и наступая друг другу на ноги, двигалась черная стена прогуливающихся и разговаривающих, не занятых танцами. Внутри круга бешено вертелись танцующие [323: III, 83].

«В нашей школе тоже елка зажжена»: публичные елки

Первая публичная елка в Петербурге была устроена в 1852 году в Екатерингофском вокзале, возведенном в 1823 году в Екатерингофском загородном саду, который, несмотря на то что тон здесь задавала аристократическая публика, предназначался для народных гуляний. Установленная в вокзале огромная ель «одной стороной... прилегала к стене, а другая была разукрашена лоскутами разноцветной бумаги» [164: 96]. Вслед за нею публичные елки начали устраивать в дворянских, офицерских и купеческих собраниях, клубах, театрах и других местах. Москва не отставала от невской столицы: с начала 1850-х годов праздники елки в зале Благородного московского собрания также стали ежегодными.

И все же главной заботой организаторов елок оставались дети. С 1860-х годов получают распространение елки в учебных и воспитательных заведениях, что тотчас же отразилось в литературе, как, например, в ставших общеизвестными стихотворениях И. С. Никитина и А. Н. Плещеева:

Наступили святок
Радостные дни,
И зажглись на елках
Яркие огни.

В нашей школе тоже
Елка зажжена...
Нас своим нарядом
Радует она [239: 56].

В школе шумно; раздается
Беготня и шум детей...
Знать, они не для ученья
Собрались сегодня в ней?

Нет! Рождественская елка
В ней сегодня зажжена;
Пестротой своей нарядной
Деток радует она... [339: 262].

Широчайшее распространение получает организация благотворительных елок для бедных детей, инициаторами которых бывали как разного рода общества, так и отдельные благотворители. Проведение «елок для бедных» в народных домах, в детских приютах всячески пропагандировали и поощряли, о чем свидетельствуют обилие заметок в периодической печати, многочисленные рассказы о благотворительных елках, а также иллюстрации в праздничных выпусках повременных изданий (см., например: «Елка в детском приюте» [286: 1089]; «Елка в народном доме» [289: 1055]; «Елка для бедных детей, взятых на улицах столицы, в доме С.-Петербургского градоначальника, 28 декабря 1907 года» [290: 39] и многие другие).

Тема благотворительных елок освещалась в рождественских номерах периодики, часто не без иронии: в сценках А. Н. Лейкина «На елке» (1889) и «В Новый год» (1893) купцы приезжают на елку в детский приют, которую они устроили сами и чем очень горды [231: 3; 232: 3–4]; в рассказе И. В. Родионова «С рождественской елки» (1909) богатый владелец типографии устраивает елку с подарками для учеников и «типографской детворы», инициатором чего

была его пятнадцатилетняя дочь [369: 61–65]; в рассказе Н. Перетца «Елка» (1872) хозяин фабрики организует праздник елки для детей рабочих [328: 524]; в рассказе Е. О. Дубровиной «Бабушка-невеста» (1888) заводчик в Восточной Сибири устраивает елку для своих рабочих [128: 1429–1434] и т. д. и т. п. Заметки об актах благотворительности на Рождество печатались столь часто, что юмористы-газетчики обычно называли их в ряду обязательных событий праздничного сезона: «Следи дальше, – говорит дед внучке, угадывая последовательность материалов рождественского номера газеты, – говорится о помощи бедным, о щедрой благотворительности, о возможности для наших дам устройства благотворительных вечеров с танцами, о елках для детей и для народа, о праздничных подарках...» [33: 209]. Во множестве проводились платные елки и танцевальные вечера «для взрослых и детей» в пользу детских приютов с вручением подарков, за которые надо было платить дополнительно [144: 1].

Ежегодно устраивали елки для детей рабочих окраин столицы братья Альфред и Людвиг Нобели. После их смерти традиция этих елок, проходивших в Народном доме на Нюстадтской улице (ныне Лесной проспект, д. 19), возведенном на средства Эммануила Нобеля в 1901 году и ставшем первым культурно-просветительным заведением в Петербурге, была продолжена. Участница проведения праздника елки для бедных детей Московским обществом помощи бедным художница М. В. Волошина-Сабашникова вспоминает:

Мама участвовала в проведении таких праздников для детей нашего квартала, а мы с нашими друзьями помогали ей. В снятом для этого мрачном помещении рядом с пользовавшейся дурной славой рыночной площадью собирались дети бедняков. После популярной в народе игры с Петрушкой... зажигали свечи на большой елке. В соседней комнате раздавали подарки. Каждый ребенок получал ситец на платье или косоворотку, игрушку и большой пакет с пряниками. Друг моего брата, принимавший участие в раздаче подарков, умел очаровать каждого, позволяя выбирать самому ребенку, что ему нравится, и советуя взять такую материю, которая ему идет. Такое отношение для этих детей было совсем необычным. Я тем временем играла с другими детьми у елки [85: 103].

Средства на проведение елок или собирались по подписке внутри определенного слоя городского населения, или складывались из добровольных пожертвований, или же специально выделялись городскими властями [162: 172].

Эти рассказы в значительной мере отражают то, что происходило почти на всей территории Российской империи. Елки устраивались даже в глухом Царевококшайске (ныне Йошкар-Ола). В одной из заметок газеты «Волжский вестник» за 1890 год рассказывается о детской елке в чебоксарском «благородном» клубе:

3 января... была устроена елка и детский танцевальный вечер с туманными картинками. Инициатором этого вечера был врач С. М. Вишневецкий. Подписка была назначена по 1 рублю с каждого маленького участника. Всего организаторам удалось собрать 35 рублей [162: 172].

М. И. Ключева, с детства двадцать лет проработавшая в Петрограде белошвейкой в мастерской П. Я. Малыгиной, вспоминает о елках с подарками, которые в 1880-х годах хозяйка, несмотря на обычную «вспыльчивость», регулярно устраивала для молодых работниц:

Приближалось Рождество. Это был большой праздник. Хозяйка принесла большую елку, квартира наполнилась приятным сосновым запахом. Накануне Рождества мы работу закончили в два часа, мыли полы, срочные заказы отправили по клиентам и стали убирать елку, вешать игрушки,

пряники, яблоки, хлопушки – в убранстве елки участвовали все от мала до великого, больше всех радовался маленький Володя. Хозяйка Марфуше подарила прюнелевые сапоги и фартук. Старшей мастерице – ситцу на летнее платье, нам выдала, всем ученицам, по 50 коп<еек> серебром [193: 177].

В некоторых знатных домах проводились елки с обязательными подарками специально «для прислуги с семьями». Князь Ф. Ф. Юсупов вспоминает, как его «матушка за месяц до праздника опрашивала наших людей, кому что подарить» [524: 61].

Инициаторами устройства праздников с елкой бывали и выходцы из народа, наделенные организаторскими способностями. К. С. Петров-Водкин в автобиографической повести «Хлыновск» приводит рассказ о сапожнике Иване Маркелыче, добровольно принявшем «на себя старство ремесленной управы»: он вел просветительскую работу среди ремесленников, «желая дать своим товарищам разумный отдых и развлечение». Однажды (по-видимому, это было в начале 1890-х годов) «задумал Иван Маркелыч город удивить». «Месяца за полтора до святок начались приготовления к вечеру-елке, который должен был состояться в одной из городских гостиниц. Для детей, кроме раздачи грошовых подарков, готовили спектакль». Сценарий представлял собой вариации из народных сказок – с Бабой-Ягой, волком, Аленушкой и пр. «В битком набитом зале, впереди елки, поставленной у стены, было расчищено место для нашего представления... Зала гостиницы была полна человеческого тепла и праздничного удовольствия» [335: 201–202].

Мифология русской елки

«Неувядающая, вечнозеленая, благостыня Божия»: елка как христианский символ

По мере того как в России осваивался и распространялся обычай Рождественской елки, в сознании русских совершалась эстетическая и эмоциональная переоценка этого дерева, менялось отношение к нему, возрастала его популярность и создавался его образ, ставший основой культа. В процессе создания культа неизбежно происходят кардинальные изменения в отношении к предмету нового поклонения, что сказывается на всех аспектах его восприятия – эстетическом, эмоциональном, этическом, символическом, мифологическом. Эти изменения отчетливо прослеживаются на примере образа ели. Возникший в середине XIX столетия культ ели просматривается в самых разнообразных явлениях русской жизни – в рекламе и коммерции, в периодической печати и разного рода иллюстративном материале, в педагогике и детской психологии. Зарождение и закрепление нового культа приводит к символизации предмета поклонения и к обрастанию его легендами.

До тех пор пока ель не стала использоваться в рождественском ритуале, пока праздник в ее честь не превратился в «прекрасный и высоко поэтический обычай рождественской елки», она, как отмечалось выше, вовсе не вызывала у русских острых эстетических переживаний. Однако принятая в качестве обрядового дерева, которое устанавливается на Рождество, ель превратилась в положительно окрашенный растительный символ. Она вдруг как бы преобразилась, и те же самые ее свойства, которые прежде вызывали неприязнь, стали восприниматься как достоинства. Пирамидальная форма, прямой стройный ствол, кольцообразное расположение ветвей, густота вечнозеленого покрова, приятный хвойный и смолистый запах – все это в соединении с праздничным убранством, горящими свечами, ангелом или звездой, венчающими верхушку, способствовало теперь превращению ее в образ эстетического совершенства, создающий в доме особую атмосферу – атмосферу присутствия Елки.

Ее стали называть «живой красавицей», «светлой», «чудесной», «милой», «великолепной», «стройной вечнозеленой красавицей елкой». Представ перед детьми во всем своем великолепии, разукрашенная «на самый блистательный лад» [44: 128], она неизменно вызывала изумление, восхищение, восторг.

Эта вдруг обретенная елкой ни с чем не сравнимая красота дополнялась ее «нравственными» свойствами: висящие на ней сласти, лежащие под ней подарки, которые она щедро и расточительно раздавала, превращали ее в бескорыстную дарительницу. Отношение детей к елке как к одушевленной красавице, «которая так же живет и чувствует и радуется, как они ... живет вместе с ними и они с ней» [508: 8

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.